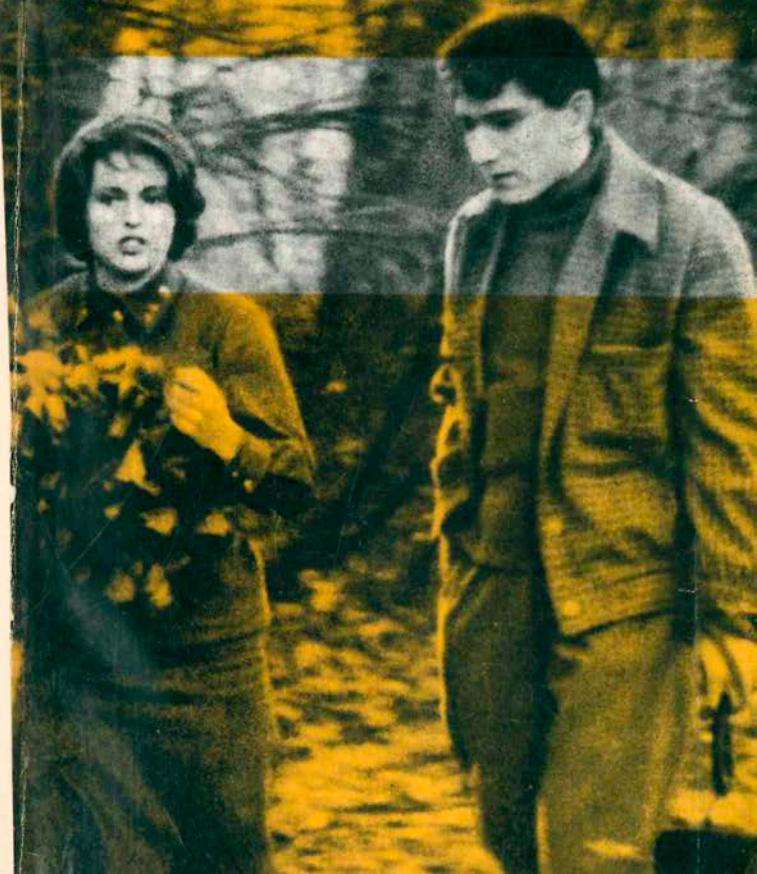

Арнольд Агабабов

здравствуй,
это я!

Арнольд Агабабов родился в 1929 году в Баку. Там же он получил среднее образование. После окончания школы работал печатником, затем радиотехником. Во время службы в армии начал писать очерки и рассказы. И вскоре стал корреспондентом газеты «Молодежь Азербайджана».

Но Агабабова все больше и больше интересует кинематограф. На киностудии «Арменфильм» он пробует свои силы в работе над сценариями. Решив сделать кинодраматургию своей профессией, Агабабов в 1960 году приезжает в Москву и поступает на Высшие сценарные курсы в мастерскую известного кинодраматурга М. Ю. Блеймана. Под его руководством он создает несколько сценариев. «Здравствуй, это я!» — первый художественный сценарий Агабабова, получивший экранное воплощение.

АРНОЛЬД АГАБАБОВ

ЗДРАВСТВУЙ, ЭТО Я!

КИНОСЦЕНАРИЙ

Издательство
«Искусство»
Москва 1965

Люди, люди — много людей.
Старые и совсем молодые. Мужчины и женщины. Лица внимательны, ждущие чего-то очень важного.

— Цолак — восемь... Бабкен — семь! — гулко разнеслись над площадью странные, как магическое заклинание, слова.

— Здесь черные задумались, — многозначительно закончил громкоговоритель на фронтоне Ереванского оперного театра.

Площадь разом вздохнула, задвигалась и зайдела.

Над морем голов возвышалась громадная шахматная доска, укрепленная на фронтоне оперного театра...

Площадь волновалась.

Группа людей горячо обсуждала очередной ход.

Кто-то убежденно тыкал пальцем в сторону шахматной доски.

Один из болельщиков, с карманными шахматами, уверенно разбирал партию. Все вокруг вни-

материльно следили за ним. Среди наблюдающих был и Артем. Потом его оттеснили в сторону. И он пошел дальше.

Снова раздался голос громкоговорителя:

— Напоминаем, у черных до контроля осталось десять минут...

Артем выбрался на боковую аллею. Здесь было свободней.

— Речь идет о каждом из нас, о жителе планеты Земля, где бы он ни был... — неожиданно громко произнес чей-то голос.

Артем удивленно оглянулся на голос и увидел другой громкоговоритель на столбе. Он вздрогивал. Столб тоже дергался.

— ...в Нью-Йорке или Москве, в Пекине или Париже. Везде и всюду люди, если бы не прекратились ядерные взрывы...

Внизу, вокруг столба, бегали двое мальчишек, пытаясь поймать друг друга.

Артем улыбнулся и свернулся на аллею, ведущую к проспекту. И снова попал в водоворот шахматной горячки...

Голос Артема. Интересно, что бы подумал создатель шахмат, если бы увидел все это?

Голос автора. Наверно, подумал бы, что дал людям самое необходимое... или, скорее всего, стал бы болельщиком. Ведь он любил шахматы?

Голос Артема. Да, наверно.

Голос автора. Любил. Каждый любит то, что создает... Собственно, чего ты хочешь?

Голос Артема. Я? Так... не обращай внимания. Просто у меня появилась странная привычка отвлеченно мыслить.

...«Волга» медленно пробиралась среди машин, запрудивших проспект, и вышла на свободную улицу...

Артем откинулся на спинку сиденья и включил приемник. Он услышал разноязыкую речь, монотонную восточную мелодию, чей-то захлебывающийся крик... И снова протяжную восточную мелодию.

В боковое стекло он увидел медленно плывущие машины. Потом замелькали стройные ряды тополей... Дальше показалось хаотическое нагромождение скал...

Голос автора. Отвлеченные размышления... Это интересно. Физик жалуется на отвлеченность.

Голос Артема. При чем тут физика? Кстати, физика сейчас самая конкретная наука.

Голос автора. Это-то я знаю. Хиросима...

Голос Артема. Хиросима! Это только эпизод.

Голос автора. А размышления?

Голос Артема. Это другое. Знаешь, иногда даже незначительный случай заставляет оглянуться назад... Вспоминать все заново...

Голос автора. Вспоминай... Я тебе помогу.

Голос Артема. Что ты знаешь обо мне?

Голос автора.. Немногое. То, чего не знаешь ты.

Голос Артема. Вот как! Ну ладно. Начнем с ливней Оже.

Голос автора. Что-что? А впрочем, ладно, начинай.

Артем задумался.

Проплыли громадные скалы. Задумчиво лицо Артема. Его память воскресила военную Москву с бомбоубежищами, витриной ТАСС, противотанковыми рогатками, перегородившими улицу, пустыми витринами «Детского мира», заклеенными марлевыми крестами...

Камера панорамирует по улице.

Голос Артема. Ливни Оже... Это космические частицы, которые проникают к нам на землю... забавно! Ливнями их назвали в дождливой Англии... я впервые заинтересовался ими тогда...

Голос Артема вытесняется шумом улицы.

Панорама по улице. Девочка, стоящая у столба. Озабоченные люди, идущие по своим делам, старенькие «эмки»...

— Говорят Москва. Передаем письма с фронта, — разносится голос диктора из репродуктора. — Дорогая Анна Сергеевна Березняк из города Могилева. Мы ищем вас. Вам пишет ваш сын, Анатолий Владимирович Березняк. «Дорогая мама...»

Камера панорамирует вверх по фасаду здания, туда где вывеска «Детский мир» и еще выше. Сюда не доносится шум улицы, и снова возникает голос Артема:

— А в общем была война. И для таких вещей, как Ливни Оже, не было ни лабораторий, ни оборудования, ни времени.

Камера панорамирует по крыше, исписанной формулами.

— Единственное, что мы могли делать, это спорить... в свободное от работы время. Ох, как

мы спорили! Мы с Пономарем даже прибегали к чрезвычайным мерам, чтобы хоть иногда помолчать...

Камера задерживается на Артеме и Пономаре. Оба лежали в противогазах.

Пономарь сорвал маску и сел:

— Тоже не дело!

Артем продолжал лежать в маске.

— Ты чего? — спросил Пономарь, снимая с него маску.

— Лежу. — Артем открыл глаза.

— А-а. — Пономарь оглянулся по сторонам, заерзал и снова посмотрел на Артема.

— Ты хочешь знать, сколько мы здесь проторчим? — спросил Артем.

— Почти. А с чего ты взял?

— Видишь ли, — поучительно начал Артем, — я убежден, что в будущем психоанализ дойдет до того.

Он перевернулся на живот. Теперь ему была видна часть улицы внизу и девочка, стоящая под столбом. Больше на улице никого не было, и Артем продолжал:

— ...до того, что мы, сидя здесь, сможем узнатъ, о чем думает вон та девочка.

— Вон та? — переспросил Пономарь.

— Угу. — Артем поудобней пристроил противогаз и положил на него голову.

— Так вот, — заявил Пономарь, — всякий раз, когда ты пытаешься теоретизировать, получается бред. Во-первых, девочке абсолютно наплевать, знаешь ли ты ее мысли или нет. Во-вторых, это отвратительно все знать. Жизнь теряет свой смысл. Ясно?

— Все.— Артем усмехнулся.— Ты мне все объяснил.

Лицо Пономаря стало озабоченным. Он вздрогнул, поднялся и, роясь в карманах, оглядел исписанную формулами крышу.

— Видишь ли...— начал он, все так же роясь в карманах,— слушай, куда я девал хлебные карточки?

— Мы же их утром нашли.

— Опять.— Пономарь виновато вздохнул и опустился на корточки. Он рассеянно оглядел формулы и промычал.— Мягкая компонента... мягкая компонента... Слушай!

— Ну?

— А ведь это все бред!

— Та-ак.— Артем удовлетворенно потер руки.

— Нет, серьезно! Мы же с тобой идиоты... мы можем спорить до чертиков и ни к чему не прийти...

— Постой, постой...

— Нет, это ты подожди!

Они спорили, размахивая руками...

Голос автора. Постой, а девочка все стояла?

Голос Артема. Какая девочка?

Голос автора. Та... под столом.

Голос Артема. Не помню.

Голос автора. А я помню. Стояла...

Она стояла под громкоговорителем. Маленькая, со смешными косичками. Ей было лет шесть-семь. Она стояла и напряженно слушала.

Громкоговоритель был старый, довоенного

образца, похожий на граммофонную трубу. Он проникновенным голосом говорил:

— Дорогая Маша! Вот уже два года, как мы потеряли друг друга. И я не знаю, жива ли ты? Я был дважды ранен. Выжил и сейчас снова в бою. Напиши мне по адресу: почтовый ящик тридцать семь пятьсот четыре, мне. Твой муж Сережа.

Громкоговоритель замолчал. Он торчал на уровне вывески магазина. На вывеске значилось: «Детский мир».

Девочка стояла, запрокинув голову, и ждала.

— Мы передавали письма с фронта,— деловито сказал громкоговоритель.

Девочка опустила голову и медленно побрела по улице, мимо института...

Крыша.

Массивный человек в галифе и ватнике, расставив ноги, долго и внимательно разглядывал исписанную формулами и человечками крышу, потом укоризненно посмотрел на Артема и Пономаря.

— А стирать их кто будет? — спросил он.

Артем и Пономарь переглянулись.

— Вон тряпка...— сказал мужчина.

— Да,— сказал Пономарь и нехотя пошел за тряпкой.

— Делать нечего. Люди, понимаешь, камуфлируют, маскируют, а вы...— Мужчина покачал головой и медленно направился к чердачному люку. Прежде чем войти в люк, он оглянулся.

Пономарь и Артем нехотя терли крышу. Они оглянулись и энергичнее принялись за работу.

Мужчина усмехнулся и полез в люк.

— Камуфлируем! — свирепо объявил Пономарь. — Камуфляж!

— Ладно, к черту! Хватит... — сказал Артем и отбросил тряпку...

Они лениво брали по крыше, и Артем философски заметил:

— А в общем весь этот трёп ничего не стоит без лаборатории... где-нибудь на горе.

— Кто тебе сейчас это даст?

— Угу...

Пономарь поерздал и предложил:

— Пошли в столовку?

— Рано.

— Слушай, а что, если выставить на Ученый совет... пусть решают! Моего АRONA втравить в это дело... он загорится, ты же его знаешь, а?

— Твой Арон сам сидит на военных законах... Черт! И с Северным флотом что-то молчат. Хоть бы вызвали, делом каким-нибудь заняться...

— Тоже выход... для тебя.

— Чудак, — усмехнулся Артем. — А что ты предлагаешь?

Пономарь ничего не ответил, только раздраженно пожал плечами. Огляделся. Потом сказал:

— Не понимаю, чего мы здесь сидим, если стреляют у черта на куличках!

— Арте-ем! — донеслось снизу, с улицы.

Артем и Пономарь свесились через карниз.

Это была Люся. Она стояла у «Детского мира» и, улыбаясь, махала им рукой. Она была тоненькой, стройной даже в солдатской форме...

А девочка вошла во двор дома, по соседству с институтом.

Девочка прошла по двору, поднялась по темной лестнице со старыми резными перилами и подошла к облезлым дверям, оклеенным дерматином. Она отперла дверь своим ключом, вошла в темный коридор и услышала заезженную до хрипоты песню:

Утомленное солнце

нежно с морем прощалось...

В комнате, на диване, прижавшись друг к другу, сидели молодая женщина и мужчина в гимнастерке со следами погон и ленточками ранений. Они играли в «дурака».

Когда девочка вошла в комнату, взрослые невольно отстранились друг от друга.

Девочка, не глядя на них, прошла в соседнюю комнату.

В этот час ты призналась... — заливался баритон.

Мужчина смотрел прямо перед собой, потом с горечью сказал:

— Судит! Сопля, а уже судит! — Он не злился. Ему было по-человечески обидно.

— Не надо, Коля, — тихо сказала женщина.

— Выключи это, — кивнул он в сторону патефона. Он поднялся и, прихрамывая, пошел в комнату девочки...

Девочка сидела у столика. Она слышала, как вошел мужчина, но не оглянулась.

Он стал за ее спиной, помолчал, потом заглянул поверх ее плеча.

— Ну что ты? — тихо спросил он. — Чего ты молчишь?

Девочка молчала.

— Хочешь, я уйду? — спросил он.— Ты только скажи, и я уйду совсем. И ты меня больше не увидишь. Ну скажи, уйти мне?

Девочка молча посмотрела на него, потом медленно отвернулась.

Она смотрела на черный круг репродуктора. Репродуктор молчал...

Артем стоял у раздаточного окна институтской столовой и наблюдал, как ножницы аккуратно вырезают талон хлебной карточки.

За ним стоял Арон Израилевич, заведующий лабораторией высоких энергий, и желчно говорил молоденькой лаборантке:

— Подобные случаи, коллега, в науке бывают раз в сто лет.

Лаборантка испуганно кивала.

Артем заговорщически подмигнул ей.

— В следующий раз подрезайте сами талон,— сказала Артему девушка в белом колпаке.— Так быстрее.

Артем кивнул, взял свой паек хлеба и пошел к столику.

За столиком сидели Люся и Пономарь. Он посмотрел на тарелки с борщом, на кубик хлеба и смущенно пробормотал:

— И куда только я сунул карточки!

Люся молча улыбнулась.

— Довольно ныть,— сказал Артем.— Я зайду к тебе и найду. А пока не умрем.

Люся взяла хлеб и стала нарезать ровными ломтиками. Она это делала неторопливо, спокойно, с улыбкой.

Пономарь удивленно уставился на ее руки и сказал:

— Вот это искусство! Послушайте! — Вдруг он пришел в восторг от осенившей его мысли.— А почему вам не жениться, а? Это ведь идея!

Он сказал это достаточно громко, и на соседних столиках оглянулись. Артему стало неловко, и чтобы скрыть смущение, он грубо ответил:

— Для дистрофика это вполне логичная ассоциация.

— Нет, в самом деле! — настаивал Пономарь. И вдруг Люся сказала:

— Мы уже женаты, Олег.

Пономарь удивленно уставился на Люсию.

А она посмотрела на Артема. У нее были удивительные глаза. Они смотрели прямо, без кокетства, и в них было столько нежности.

Отцветала осень. Деревья стояли в пышном золотом уборе. Было тихо. Потом где-то неподалеку с лязгом и грохотом прошла колонна танков. Тяжелый гул их моторов отозвался в листве. Листья ожили, сонно зашелестели. Бесшумно сорвался один лист, за ним второй, третий...

Листья кружились и медленно опускались вниз.

А снизу, навстречу им, тянулись две женские руки. Они подставили ладони под листопад. Рядом опустились еще листья. Тогда на помощь женским рукам пришла пара мужских рук.

Две пары рук ловили падающие листья, отталкивали, мешали друг другу.

— Ты не сердишься на меня? — тихо спросила Люся.

— Я просто не мог, понимаешь, найти формулу: ты и я...

Руки исчезли.

Кружили листья.

Потом в кадре появился Артем. Он сел, повернулся, посмотрел вниз.

— Я закурю, — сказал он.

— Кури, — мягко согласилась Люся.

Он встал. Ощупал карман, не находя там того, что искал. Нагнулся, поднял гимнастерку Люси, аккуратно повесил ее на дерево. Потом пошел к кустам, продолжая ощупывать карманы.

Он пробрался сквозь трещащие кусты на аллею.

У кустов пожилой мужчина в потертом пиджаке собирал в мешок сухие сучья. Он поспешил выпрямился и настороженно посмотрел на Артема.

— Простите, пожалуйста... — обратился к нему Артем.

— В чем дело? — нервно перебил мужчина, щупая его недоверчивым взглядом.

— У вас спичек нет? — миролюбиво спросил Артем.

— Так бы и говорили, — все так же недоверчиво ответил мужчина. Он бросил Артему спички.

Парк был бесконечным.

Они брали по аллее, и Люся то и дело согибалась и собирала опавшие кленовые листья.

У нее уже был громадный букет, а она все собирала и собирала... Словно хотела собрать все листья в парке...

Обе руки ее были заняты. Она опустилась на корточки перед разлапистым кленовым листом и попросила:

— Дай мне...

Артем нагнулся и положил лист ей в охапку. Она задумчиво смотрела на него. Потом спросила:

— Когда у тебя Ученый совет?

— Завтра, в десять.

Они вышли на площадку, где стояла карусель; она напоминала звезду, на кончиках лучей которой были сиденья. Когда звезда вращалась, вращались и лучи, одновременно поднимаясь и опускаясь.

Люся остановилась, коротко вздохнула и вдруг подбросила вверх листья.

Она прижалась к Артему и зашептала:

— Сделай, чтобы карусель крутилась. Сможешь?

— Постараюсь.

Они подошли к моторной будке, под звездой. Артем заглянул внутрь, потом сказал Люсе:

— Садись.

Она торопливо взобралась на луч и побежала по нему к сиденью.

А Артем начал возиться с контактами. Они все были разъединены.

Люся сидела на луче, сложив на коленях руки, и ждала. Артем торопливо соединял контакты. Он боялся, что вдруг не будет тока. Ему очень хотелось исполнить просьбу Люси. Он ос-

торожко включил рубильник, и вдруг карусель заскрипела и пошла.

Артем облегченно вздохнул и полез за носовым платком.

— Арте-ем! Иди ко мне!

Это была Люся! Она поднималась выше деревьев, к самым облакам, и звала его оттуда.

Он вскочил на движущийся луч и пошел по нему вверх, к Люсе.

Он сел рядом с ней, и она глядела на него лихорадочно блестящими глазами.

Он обнял ее. Она прижалась к нему и задумчиво посмотрела куда-то в сторону.

И он посмотрел туда же. Он увидел медленно проплывающие силуэты домов, они проваливались за деревьями, потом снова возникали и снова проваливались...

Стемнело.

Они стояли в полумраке переулка, обнявшись, и молчали.

Потом Люся сказала:

— Прогони меня.

Он молчал.

— Прогони меня,— повторила она ему. Он продолжал молчать.

— У меня кончается увольнительная, слышишь?

Они стояли обнявшись, щека к щеке, и смотрели в разные стороны.

— Меня посадят на «губу»... Ты хочешь, чтоб я попала на «губу»?

Где-то в глубине улицы торопливо прошел

одинокий прохожий. Простучали его сапоги, и снова все стихло.

Потом он оторвал ее от себя и сказал:

— Иди.

— А ты?

— Потом... ты иди.

Она заглянула ему в лицо, медленно отошла, остановилась:

— Я постараюсь завтра прийти.

— Хорошо.— Он улыбнулся.— Иди.

Она медленно пошла по переулку.

Когда стихли ее шаги, он повернулся и пошел в противоположную сторону...

Он вернулся домой поздно ночью. Спать не хотелось, и он постучал к Пономарю.

— Ты? — удивился Пономарь. Он был похож на смешную птицу. Всклокченный, худой, в майке и трусах.

— Слушай! — вдруг сделал он очередное открытие.— А ведь я тебя женил? Ничего? А!

— Ты нашел хлебные карточки? — спросил Артем.

— Не...— Он озадаченно почесал затылок и зашлепал к дивану.

Диван был не только его кроватью, но и рабочим местом. Пономарь любил работать лежа и утверждал, что в лежачем положении вся энергия приливает к мозгу. И сейчас на диване вперемежку с одеялом и подушкой лежал целый ворох книг и исписанных листов.

Пономарь взобрался с ногами на диван, посмотрел на Артема и сочувственно покачал головой:

— Надо же, а? Перед самым Ученым советом! — воскликнул он, разглядывая Артема с сочувственным любопытством.

— Давай лучше искать карточки.

— Давай, — согласился он и очень внимательно оглядел комнату. Потом он посмотрел на Артема, улыбнулся и сказал:

— А меня мучила совесть, знаешь. Вот. И я решил компенсировать. Думал о твоих «ливнях». И знаешь что? На, — он протянул какой-то искромсаный лист бумаги, исписанный до предела. — Я тут кое-что наколдовал... в общем, посмотри.

На первый взгляд это был целый хаос чисел. Артем сел рядом с ним, достал авторучку, а Пономарь сидел, вернее, ерзal рядом и каждое движение ручки сопровождал стоном:

— М-м!.. М-м-м!.. Ты дуб! Ты дуб! Дай!

— Отстань. — Артем перевернул листок. Это была хлебная карточка. — Дай мне приличную бумагу, — попросил он. — Мы тебе всю хлебную карточку разрисовали.

— Ну?! — испугался Пономарь. — А так примут?

Артем оглядел карточку и уставился на Пономаря.

— Слушай. Это ведь твоя хлебная карточка!

— Да! — изумился Пономарь. — Где ты ее нашел?

Он взял карточку, повертел в руке и мечтательно вздохнул:

— Как ты думаешь, на сегодняшний талон завтра дадут хлеб?

Артем задумчиво потер подбородок и сказал:

— Черт знает, очень уж легко все получается.

Передние ряды огромного конференц-зала занимали члены Ученого совета. Сбоку от них за отдельным столом сидел председатель Ученого совета. Все молчали, смотрели на доску.

Артем стоял у громадной черной доски и дописывал формулу.

Члены совета смотрели на него.

Артем закончил вычисления, отступил на шаг и оглядел доску. Доска была чистой, и только небольшой нижний угол ее был занят снимками и формулами.

Артем скептически взглянул на свою работу и повернулся к залу.

— Это все? — спросил председатель.

— Все. — Артем беспомощно развел руками и кивнул в сторону доски, потом спохватился. — То есть почему — все? Собственно, это первичные предположения относительно природы мягкой компоненты Ливней Оже.

Зал ожиивился. Люди заулыбались, переглянулись, закивали.

Артем напряженно ждал и смотрел на окна.

— Андрей Семенович? — обратился председатель к директору, приглашая его высказаться.

— Я еще подумаю, — ответил директор оглянувшись.

Зал молчал, Артем не выдержал и посмотрел в зал.

Пономарь сидел с краю и шепотом убеждал АRONA Израилевича:

— Но вы же согласились, что это интересно. Нужен эксперимент?

— Я? Это мои благие пожелания. Но сущест-

вует реальность, сегодняшний день. А это, я вам скажу...

— Позвольте, ведь его направляют на Северный флот? — шепотом спросил директора сосед.

— Возможно, возможно,— неопределенно ответил директор, не глядя на него.

— Я бы с удовольствием поддержал, но...— Мужчина средних лет покачал головой и неожиданно закончил.— Но все это очень любопытно!

— Какое-то юношеское увлечение,— покачал головой его сосед.— Немцы, понимаете, рвутся к Волге...

— А собственно, молодой человек, как вы себе представляете осуществление этой... вашей идеи? — неожиданно громко спросил плотный мужчина.

Все замолчали и посмотрели в его сторону.

— Я... не думал пока об организационной стороне. Меня интересовала, как бы вам сказать, сама идея.

— А, ну да, не думали.— Мужчина, слегка наклонив голову, что-то шепнул соседу.— И все-таки, как вы думаете реализовать вашу идею практически?

— Берите ли, исследовать природу элементарных частиц пока можно только на высокогорных космических лабораториях.

— Ага.— Мужчина кивнул, откинулся на спинку стула и глянул в сторону зала.— Ну что ж, высказывайтесь...

— Да, да, товарищи, высказывайтесь! — подхватил председатель и посмотрел на ручные часы.

Зал молчал. В тишине был слышен бубнящий шепот Пономаря.

— Хоть бы небольшой экспедиции добиться! — настаивал Пономарь.

— Да, но... учтите, вы меня толкаете на авантюру,— сказал Арон Израилевич и обратился к председателю.— Позвольте мне.

— Пожалуйста, Арон Израилевич.

Арон Израилевич поднялся.

Мужчина, спрашивающий Артема, повернулся и с любопытством посмотрел на него.

— Так вот... я относительно мечты... вернее, о теме, которую затронул.— Он вертел в руке квадратик газетной бумаги. Пономарь насыпал ему в бумажку табаку.— Благодарю вас...

Он неумело сворачивал папирюс и, виновато улыбнувшись, сказал:

— Я всегда ухитряюсь заворачивать вместе с табаком свой палец... да, так о чем это я?..

Артем медленно снимал с доски диаграммы кривых и фотоснимки. Скрипнула дверь. Он оглянулся.

В зал вошла Ирина Павловна. Она прошла к столам и села рядом с Пономарем и другим молодым физиком. Оба сидели мрачные и подавленные. Больше в зале никого не было. Артем отвернулся. Машинист оглядел чистую доску, снял оставшуюся кнопку и отбросил ее.

Потом в зал вошел Арон Израилевич. Он подошел к Артему.

— Вот так,— сказал он.— Значит, поедете на Северный флот. Это сейчас нужно.

— В общем мы теряем еще одного физика,— зло сказал Пономарь.— Причем талантливого.

А что? — Он с вызовом посмотрел на Ирину Павловну, словно именно она в этом сомневалась.

Ирина Павловна недоуменно пожала плечами.

— Вот так мы теряем. Все, все теряем! — продолжал Пономарь.

— Молодой человек, — не глядя на него, сдержанно сказал Арон Израилевич. — Я вам неоднократно говорил: Фронту тоже нужны талантливые физики.

— Вы так думаете? — съязвил Пономарь. — А!

Он вскочил и вышел из зала.

Арон Израилевич растерянно посмотрел на Артема и виновато улыбнулся...

На стене висел портрет улыбающегося Ломоносова. Снизу поднимался к нему дым папирос и гул голосов.

Артем пробирался среди стоящих в коридоре людей.

— Вы, конечно, можете меня опровергать.

— Не знаю, не знаю. Во всяком случае, наличие тяжелых протонов меня настораживает...

— Дайте и мне сказать!

— Позвольте, если Пьер Оже полагал... — слышал он обрывки фраз.

Он вошел в лабораторию.

Пономарь сидел на подоконнике и смотрел на улицу. Артем сел рядом с ним, свернул папиросу, закурил.

— Она не приходила, — сказал Пономарь, не глядя на него. — Теперь постой ты.

Он отошел и начал ходить по комнате.

Артем выглянул на улицу.

На улице никого не было.

Пономарь подошел к Артему и потянулся за папиросой:

— Дай покурить.

— Ты чего раскурился?

— Не твое дело. — Пономарь просунулся в окно и выглянул на улицу.

— Чего ты лезешь в бутылку? — разозлился Артем. — Что я, по-твоему, должен был делать?

— Не знаю... Мне это надоело, понимаешь?

Не хочу делать потом за двадцать лет то, что другие сейчас будут делать за год!

— Хорошо, что ты предлагаешь?

— Не знаю. Тебе это легко... поедешь на Северный флот... Ты-то здоровый человек!

— Чудак, при чем тут здоровье?

— Конечно! Оптимист всегда найдет светлую сторону в несчастье другого! — язвительно сказал Пономарь.

Привокзальная площадь. Один за другим подходили машины с бойцами. Часть машин уже стояла, и возле них сутились бойцы, были слышны отдельные команды:

— Первая рота, стройтесь!

— Второй взвод, слушай мою команду!

Вдруг среди снующих бойцов мелькнуло лицо Люси. Она бежала через всю площадь к телефону-автомату на углу здания. Взяла трубку и торопливо набрала номер. Частые гудки. Люся дернула рычажок и снова набрала. Те же гудки.

Люся с отчаянием оглядела площадь.

Кругом рычали машины, спешили солдаты.
Потом Люся заметила девочку. Мимо девочки, почти вплотную, ползла машина с бойцами. Девочка, задрав голову, смотрела на сидящих в машине солдат. Потом она исчезла.

Люся поискала ее в толпе и снова нашла.

Какой-то офицер вывел девочку из толпы и, ласково потрепав по щеке, торопливо ушел.

Девочка осталась на месте.

И Люся подбежала к девочке:

— Девочка, ты мне поможешь? — спросила Люся, наклоняясь к ней.

Девочка утвердительно кивнула.

Люся торопливо поискала в карманах гимнастерки и, не найдя карандаша, опустилась перед девочкой на корточки.

— Ты знаешь «Детский мир», на Кировской? — спросила она.

— Знаю. Я там живу, — ответила девочка.

— Правда? Так вот, у «Детского мира» меня будет ждать дядя. Его зовут Артем. — Люся подумала: — Вот такой. — Она показала руками торчащие волосы Артема. — Ты скажи ему, что Люся уехала. Скажи, что это случилось неожиданно. Скажи, что все осталось, как прежде.

— Скажу, — кивнула девочка.

— Ты обязательно, девочка, дождись его. Ладно? — Люся заглянула в глаза девочки.

У девочки были серые, взрослые глаза.

— Дождусь! — пообещала она.

— Очень прошу тебя! — Люся уходила, не сводя глаз с девочки.

А кругом торопились люди, были слышны отрывистые команды.

Люся в последний раз посмотрела на девочку, помахала ей на прощание рукой:

Там... у столба!

Девочка кивнула. Люся побежала через опустевшую площадь и скрылась в здании вокзала.

В окно лаборатории были видны «Детский мир» и часть улицы.

— А теперь что? — грустно произнес за кадром голос Пономаря.

Они сидели на подоконнике и по-прежнему смотрели на улицу.

— Ты уедешь. Меня нагрузят. И наши «ливни» улыбнутся, — продолжал Пономарь.

В глубине улицы появилась маленькая девочка. Она подошла к институту, остановилась и оглянулась по сторонам.

— Ты можешь не ныть? — сказал Артем.

— Пожалуйста, — пожал плечами Пономарь. Он внимательно посмотрел на Артема и неуверенно сказал:

— Слушай, а может быть, ее не отпустили... Армия, знаешь. Какой-нибудь лейтенант приказал ей: знаете что, Миронова, оставайтесь-ка дежурить... И кругом! Шагом марш!

Молчание.

— Я подожду ее на улице, — сказал Артем.

Артем шел по улице, медленно приближаясь к «Детскому миру». Он смотрел на девочку, которая сидела на ступеньках и смотрела по сторонам.

Артем прошел мимо нее.

Девочка заметила его. Она поднялась и пошла за ним.

Он шел не оглядываясь. И слышал за собой ее шаги.

— Дядя,— тихо окликнула его девочка.

Артем остановился. Повернулся к ней.

Девочка подошла к нему.

— Тетя не придет,— сказала она, глядя ему в лицо.— Она уехала.

— Какая тетя? — растерянно спросил Артем.

— Люся.

Артем молча наклонился к ней.

Девочка, глотнув слону, выпалила:

— Она сказала, чтобы вы ждали, она тогда вернется. И все будет по-прежнему.— Девочка перевела дыхание.

Артем молчал.

— Вы будете ждать? — спросила девочка, глядя ему в глаза.

Артем машинально провел ладонью по лицу.

По морю полз вязкий осенний туман.

Человек в черном морском плаще склонился над бортом. Плечи его вздрагивали от подступающей тошноты. Качало. Все качало. И низкий борт катера, и свинцовую поверхность воды, и даже пелену тумана. Все окружающее было до тошноты выбко и непрочно. Потом он услышал неуверенное звяканье полевого телефона и твердый голос:

— Слушаю... есть, товарищ лейтенант!

Человек с усилием выпрямился и неверной походкой пошел по палубе катера. Это был Артем.

Пожилой мичман с чапаевскими усами, сочувственно глядя на него, протянул трубку:

— Второй отсек.

Артем взял трубку:

— Да?.. Проверьте напряжение.... Очень хорошо, тогда отключайте.— Он отложил трубку.

Мичман и матрос в брезентовой робе вопросительно смотрели на него.

— Ну вот. Завтра можем начать испытания,— сказал им Артем.

— Точно? — обрадовался мичман.— Тогда порядок... А сейчас на берег?

— На берег? — усомнился Артем.— Надо ведь еще мины подготовить для испытания.

— Вот на берегу и будем готовить на базе.— Мичман, видимо, спешил на берег.

— Да я уже привык к этой самой... — улыбнулся Артем.

— Конечно, привыкнете,— заверил мичман.— А сейчас чего ради всю ночь болтаться возле эсминца.

— Ладно,— согласился Артем.— На базу так на базу.

— Отдать швартовы! — скомандовал мичман.

Матрос в брезентовой робе и второй, вылезший из люка, забегали по палубе эсминца, к которому и был пришвартован их катер. С борта эсминца свисали толстенные, как удавы, кабели.

— Отставить! — вдруг услышал Артем команду мичмана. Он оглянулся.

К их катеру подошел и стал о борт малый торпедный катер.

— Смирна-а! — закричал мичман и, лихо перескочив на борт торпедного катера, вытянулся перед высоким моряком.

Артем перебрался на палубу торпедного катера и подошел к ним.

— А команду на корабле, между прочим, подает старший по званию, — сказал ему высокий моряк.

Артем виновато кивнул.

— Ну докладывайте, как у вас?

— Завтра можем начать испытания, — доложил Артем.

— Испытания. — Моряк усмехнулся, оглядел борт эсминца и сказал. — Сейчас пойдем на задание. Вот там и испытаем вашу противоминную систему.

— Как? — удивился Артем.

Они пошли по палубе к трапу эсминца.

— Товарищ капитан-лейтенант...

— Да? — ответил тот не останавливаясь.

— У нас все готово. Испытания займут два часа.

— Корабль размагнечен?

— Да... так точно... То есть, вы понимаете, я просто не имею права выпускать корабль. Размагничивание пока на стадии эксперимента. Корабль может подорваться на первой же магнитной мине.

Капитан-лейтенант молча оглядывал корабль.

Потом сказал:

— У нас нет времени. Корабль пойдет сейчас.

Артем невольно посмотрел туда, где возвышались бронированные борта эсминца. Над бортом виднелись серьезные лица матросов.

Артем и капитан-лейтенант подошли к трапу.

— Тогда я пойду с вами, — сказал Артем.

— Не положено, товарищ лейтенант, — спокойно ответил капитан-лейтенант. Он повернулся и сказал ожидающему офицеру. — К отплытию готовы.

— Есть! — тот вытянулся и кинулся к трапу.

— Тогда что мне положено? — едва сдерживая себя, спросил Артем.

— Вам? — Капитан-лейтенант с явным интересом посмотрел на него, словно впервые увидел. — Выполнить приказания и ждать результатов. — В его глазах мелькнула теплинка. — Когда-нибудь в следующий раз я вам дам все корабли отряда. Экспериментируйте. А сейчас корабль пойдет.

— Когда это — в следующий раз?

— Наверно, после войны.

Артем пожал плечами и отвернулся.

Капитан пошел было к трапу, потом оглянулся.

У Артема было очень расстроенное лицо.

— А в общем вы сделали свое дело, — сказал капитан-лейтенант. — Если только мы прокочим... Памятника, конечно, не обещаю, но это будет здорово, Артем...

Артем растерялся. Он полез в карман, вытащил портсигар. Портсигар был пуст.

— Держи, — сказал капитан-лейтенант и

протянул ему свой алюминиевый самодельный портсигар.

Артем взял портсигар.

Капитан ловко и быстро поднялся по трапу и на минуту задержался: — Кстати, вас вызывали на базу. Срочно.

— Меня? — удивился Артем.

Капитан ничего не ответил, махнул рукой и взбежал вверх.

Раздалась команда:

— От борта!

Заработали моторы катеров.

И борт эсминца и стоящий над ним капитан-лейтенант стали постепенно удаляться.

— Смирно! — раздалось на борту эсминца. Матросы вытянулись.

Камера отходила все дальше и дальше.

На эсминце поднимали трап.

Артем курил и смотрел на эсминец. Рядом стоял мичман.

— Жаль мне их,— сказал он, глядя в сторону эсминца.

Эсминец стоял на рейде, молчаливый и неподвижный.

Потом медленно двинулся. Без сигнала, без шума.

— Такие мощные, громадные, а как нарывутся на какую-нибудь дрянь... — продолжал голос мичмана.

Здорово качало.

Катер подъезжал, зарываясь носом в седые гребни волн.

Артема мучило. Он держался за стенку рубки и прикрывал рот платком.

— Что, опять? — участливо спросил мичман.

Артем отрицательно покачал головой, потом, превозмогая подступающую тошноту, выдавил:

— Что там... с двести тридцать седьмым?

— Знаем... — неопределенно ответил мичман и взглянул на часы...

Артем стоял перед письменным столом командира базы.

Командир базы, седеющий полковник, говорил:

— Ничем не могу помочь. Приказ отправить вас в Москву... Надо выполнять.

— Но это невозможно,— горячился Артем.— Моя работа фактически только началась...

— Знаю. Из Москвы вылетел к вам коллега.

— Ну ладно... но хоть дождаться эсминца я могу? Я ведь причастен к его судьбе. Товарищ полковник, все это так,— приказ, дисциплина, но ведь просто человеческие эмоции. Вы должны меня понять. Ведь все мы до войны были не теми, что сейчас... Вот кем вы были до войны? — спросил Артем.

— Я? — удивился полковник.— Военным.

— Да? — растерялся Артем.

— Так, стало быть, едешь... — улыбнувшись, сказал Пономарев стоявшему рядом Артему, одетому в штатский костюм.

— Стало быть, еду,— ответил Артем и пожал плечами.— А все-таки что произошло? Я так ничего и не понял.

— Да, все довольно просто, старина. Наш институт стал почтовым ящиком, а Арон сунул наши «ливни» в оборонную тематику.

Они шли по перрону. Мимо них полз груженный зачехленными танками состав.

На бортах платформы и теплушек были выведены от руки лозунги:

«Смерть немецким оккупантам!», «Транспорт — родной брат Красной Армии», «Не отдадим Москву!».

— Да, брат, нет худа без добра,— продолжал Пономарев и остановился перед вагоном.— Кажется, твой...

— Ну,— сказал Артем.

— Ну,— ответил Пономарев и, улыбнувшись, добавил: — Слушай, я вас породил и... в общем несу полную ответственность. Как только будет письмо, я перешлю тебе.

— Хорошо,— сказал Артем.— Только не потеряй.

— За кого ты меня принимаешь? — возмутился Пономарев, потом засмеялся.— Ты учти, что хлебных карточек я не порождал, а вас... И потом, наш институт переименовали в почтовый ящик. Да, почтовый ящик двадцать семь двадцать пять. Это вещь. А звучит, правда? Арон Израилевич — почтовый ящик! И я почтовый ящик!

Поезд все не уходил. Артем стоял в купе у окна и смотрел на перрон. На перроне стоял Пономарев. Они смотрели друг на друга и не говорили. Потому что все равно ничего не услышали бы через стекло. Последние минуты перед

отъездом всегда самые нелепые. Артем очутился в чемоданном, суетливом мире. А Пономарев там, за окном. Они видели друг друга и не могли говорить. Потому что между ними уже было стекло. А поезд все не уходил. Пономарев, наверно, испытывал то же, что и Артем. Он усмехнулся, пожал плечами, как бы говоря: ничего, мол, не поделаешь! Потом стал с преувеличением вниманием разглядывать проезжающий по перрону автокар и снова посмотрел на Артема.

Наконец поезд тронулся. Пономарев помахал рукой, как бы говоря: все будет в порядке!

Он вскоре остался позади. А Москва еще долго не уходила из окна. Проплыл почтовый ящик на крайнем вокзальном здании, потом потянулись открытые платформы с зачехленными танками, потом еще что-то... Потом под мостом мелькнули площадь и девушки в военных формах, несущие на привязи аэрростат...

Под мерный стук колес уходила военная Москва с орудиями, танками, тягачами, с москвичами, роющими противотанковые рвы. Все это было видно сквозь рваные клочья паровозного дыма. Дым густел и застипал окно...

Потом возник другой мир. Суровый и неподвижный. Темные, влажные скалы задумчивы. Призрачные хлопья тумана повисли среди них.

Чьи-то руки неторопливо наклеили на стекло полоску белой марли. Потом накрест вторую полоску.

Женщина-курдианка отошла от перекрещен-

нога окна ко второму. Она поставила на подоконник миску с крахмалом, примерила к стеклу полоску марли и оглянулась в глубь комнаты.

В глубине комнаты за столом сидел Артем.

На столе разбросаны в беспорядке диаграммы, листы с вычислениями. Среди них ослепительной белизной выделялся сложенный вдвое лист.

В комнату вошла Ирина Павловна. В полушибке, повязанная платком. Она протянула Артему несколько пленок.

Он машинально взял их и вопросительно взглянул на нее.

— Все то же,— сказала она.— Протоны и миражи. Каждый раз новые. Мне кажется...

Дальше он ее не слушал. Он разглядывал на свет фотопленки. Они неподвижно свисали с руки и спирально ложились на листок ослепительной белизны, сложенный вдвое. И в неестественную тишину лаборатории ворвался взъерошенный голос Пономаря:

— Артюша! Я узнал о Люсе все, что мог. Оказывается, просто изменили номер ее части. Только это случилось уже после того, как Люся... Артюшка! Война страшна не тем, что на ней кто-то погибает. Страшно, что погибают самые хорошие, самые нужные! Артюшка, ты понимаешь...

И голос Пономаря исчез так же внезапно, как и появился.

— ...я почему-то убеждена, что с магнитом миражи исчезнут.— Ирина Павловна замолчала и вопросительно посмотрела на Артема.

Артем посмотрел на нее и машинально сказал:

— Да, наверно...

В соседней комнате кто-то загрохотал башмаками, и во времянку вошел Зарьян.

— Можете радоваться,— сказал он отряхиваясь.— Сентябрь, а уже снег валит! Тоже мне — золотая осень!

Он подошел к столу, стаскивая штурмовку, и сообщил:

— Аккумуляторы улыбнулись...

— Почему? — спросила Ирина Павловна.

— Не знаю, там что-то в начале года надо было... в общем я с этим кретином Назарьином больше не желаю общаться... ему говоришь, а он ухмыляется... персона!

Он стащил штурмовку и положил ее в изголовье нар.

Артем и Ирина Павловна молчали.

Зарьян сел на нары и устало потер лицо.

— Если вы не возражаете, я посплю... всю ночь тащился.— Не дожидаясь ответа, он поднял ногу и принял расшнуровывать ботинок...

Ирина Павловна рассеянно оглядела стол. Она заметила среди бумаг вскрытый синий конверт.

— Фронтовое? — оживившись, спросила она.

Артем ничего не ответил.

Ирина Павловна повертела в руке конверт и вздохнула:

— Нет... Фронтовое бывает с таким треугольным штампом. Хм! Какой-то жалкий треугольник и...

Она отложила конверт.

Зарьян расшнуровывал ботинки. Потом он леж, снял очки, отложил их в сторону, устроился поудобней и, закрывая глаза, сказал Ирине Павловне:

— Да! Видел вашего сынишку... Растет. Уже говорит папа-мама... совершенно талантливый ребенок.

Самолет уходил в безоблачную синь неба как маленькая серебристая точка, упрямо ползущая вверх. Доносилось настойчивое монотонное жужжание мотора.

Артем рассеянно смотрел вверх. Машинально надевал лямки лыжных палок. Потом он медленно пошел вниз.

Он уходил все дальше и дальше, ускоряя шаг...

Маленькая фигурка Артема стремительно неслась вниз, описывая крутые виражи, все дальше и дальше, пока не исчезла совсем.

Остались горы. Влажные черные скалы. Снежные склоны. Неподвижные и бесстрастные. И настойчивый монотонный гул самолета...

Дымится в хрустальной пепельнице сигарета в голове Мефистофеля. Это мундштук.

Сидящий за столом мужчина взял мундштук и сказал:

— Я вас понимаю, но... четыреста аккумуляторов, это вы знаете...

Артем сидел у стола, подперев лоб кулаком, и смотрел на зеленое сукно стола. Он отрицательно покачал головой:

— Не знаю, не знаю... мне нужны аккумуляторы. Четыреста...

— Дорогой мой, я же не виноват в том, что война, вам на горе, все кажется проще.— Мужчина сочувственно улыбался.

Артем впервые исподлобья взглянул на мужчину и глухо сказал:

— Я бы взял вас туда. Только вы не выдергите, что вы мне тычете войной! Она уже под Берлином, а вы...

— Да.— Мужчина вежливо улыбнулся. Он никогда не терял присутствия духа.— От этого мы не стали богаче. Есть дела поважнее.

— Это самое важное.

— Простите, почему?

— Это вам долго объяснять.

— Все вы так говорите.

Артем стукнул кулаком по столу.

— Кто это «вы»?!

Они помолчали.

— Вы просто устали,— сказал мужчина.— Отдохните.

— Я подумаю об этом,— ответил Артем.— А вы дайте хоть тот минимум, который нам нужен. Четыреста.

Мужчина заученным движением сочувственно развел руками, радуясь окончанию неприятного разговора.

Артем пошел к двери и уже на самом пороге остановился.

— Я подожду во дворе,— сказал он.— А вы пока оформляйте.

Мужчина растерянно выпрямился.

Артем вышел...

Мотоцикл стоял во дворе.

Артем подошел, сел на него боком и закурил.
Он сидел и курил...

Мужчина сидел за столом и возмущенно хмыкал. Снял часы. С возмущением стал заводить их. Потом отложил часы и подошел к окну.

Артем сидел на мотоцикле, спиной к нему, и, видно, не собирался уезжать...

Мужчина отошел от окна, снова взял часы и снова попытался их завести...

Артем сидел в той же позе. Не торопясь, он достал вторую папиросу и закурил.

Голос автора. Пономарь ошибался. Люся погибла год тому назад. Их эшелон не успел дойти до фронта. А перед этим она написала тебе письмо и не успела отослать.

— Ну хорошо,— раздался за кадром голос Назаряна.

Артем оглянулся.

Из окна выглядывал Назарян.

— ...Допустим, вам дали аккумуляторы. А поднять на гору? Как вы их поднимете?

— Поднимем,— сказал Артем.

— Это зимой? На чем? — спросил за кадром Назарян.

— Кстати, не забудьте и спирт выписать,— напомнил Артем.

— А-а, спирт? — повеселел мужчина. — Спирт — это понятно.
Артем молча посмотрел на него...

Заросшие, усталые лица:

Зарьян... Артем... еще сотрудник... рабочий-курд...

Камера отъезжает.

Проваливаясь по колено в снегу, уходили вверх люди. На плечах каждого возвышались ящики, закутанные в ватники. Двое последних тащили на лыжах, как на санях, какой-то громоздкий прибор. Уходила вверх по склону вереница людей. За ними по следу бежали три лохматые овчарки. Потом овчарки сели и стали смотреть вслед уходящим людям. Люди шли мимо древних развалин Абберта все выше и выше...

Потом первый остановился. Опустился на колени и, не снимая ноши, повернулся набок и лег на спину, на выюк. Устало вытянув ноги, он лежал, выгнув грудь, высоко запрокинув обросший подбородок, и прерывисто дышал. То же сделал следующий. Потом третий... четвертый... весь маленький караван лежал и отдыхал.

Все молчали. Только слышно неровное дыхание людей. И все смотрели вверх. Курд. Зарьян... Неизвестно заросший Артем. Он привычным движением провел рукой по лицу. Рука задержалась на отросшей бороде.

Голос Люси. Артем, милый! Пишу тебе с дороги. Я не успела повидать тебя. Я все сказала какой-то девочке с косичками и не знаю, найдет ли она тебя?

Артем поднялся и, не оглядываясь, пошел дальше. За ним потом второй, третий...

Голос Люси. Она найдет. Ты ведь один такой единственный. Как прошел Ученый совет? Я ведь ничего не знаю. Ну, ничего. Мы скоро дадем, я пришлю свой адрес, и у нас все наладится.

Караван уходил все дальше и дальше вверх... К виднеющимся на вершине двум бревенчатым домикам-времянкам.

Голос Люси. Только бы девочка нашла тебя! Ведь ты по-прежнему мой. Ты слышишь? Ты мой.

От домиков навстречу восходящим людям спускалась гуськом другая группа людей. Поравнявшись, люди не остановились, пошли своей дорогой: одни вверх, другие вниз...

Зарьян чиркнул спичкой и поднес ее к эмалированной фотованночке. Вспыхнуло пламя.

Курдка взяла пылающую ванночку, понесла к прибору и поставила возле него.

Зарьян залил другую ванночку. Зажег ее и понес к другому прибору....

Артем, Ада Львовна, еще один сотрудник и курд сидели, кто где придется, и ели.

Зарьян взглянул на термометр. Подошел, сел рядом с Артемом и сказал:

— Порядок.

На полу возле приборов плясали голубые языки пламени...

— Ночь. Времянка. За стеной завывает ветер, словно пробует свои силы.

В комнате тесно, она вся заставлена аппара-

турой. Ее стало значительно больше. Работает магнит: время от времени вспыхивает рефлектор, фотокамеры, стучат счетчики.

Камера блуждает по комнатам. На нарах и где придется спят люди.

Беспокойно ворочается во сне Артем..

Зарьян шевелит во сне губами, хмурится...

Вспыхивает рефлектор, стрекочут счетчики...

В боковом помещении вздыхает во сне Ада Львовна, спит курдка, подложив под щеку ладонь.

За окнами завывает, словно пробуя свои силы, ветер...

— Голос Артема. Миражи... Два года — одни миражи. Потом мы избавились от них. Остались три пики. Это могли быть следы новых частиц. Каких? Мы этого не знали. Для этого нужны были люди. Нужны были теоретики... Арон, Пономарь... кто-нибудь! Мы чувствовали, что это были не просто пики, а что-то новое... но что?..

Трещал и выл эфир. Рация мигала глазками и взволнованно спрашивала голосом Пономаря:

— Постой, а эти три пики остались?

— Остались! Остались! — кричал Артем. Он стоял, наклонившись к радио, а за ним, в глубине комнаты, сгрудились кто в чем — наспех одетые сотрудники лаборатории.

— Ох ты черт! — кричал Пономарь.— Слушай, а это не миражи?

— Да какие там миражи! — кричал Артем.— Мы все очистили, понимаешь, все! Это кажется то, о чем мы говорили, помнишь? Пономарь!

— Да, но... тут, понимаешь, произошла такая петрушка...

— Слушай, приезжай хоть на неделю, нам надо разобраться... Слышишь? Обязательно приезжай!

— Артюшка, не могу! Ты же знаешь, чем мы занимаемся... Мы не вылезаем отсюда день и ночь... по радио всего не скажешь...

— Понимаю... ну хотя бы на три дня!

— Ты пойми, сейчас никто не может... ты же знаешь, что мы здесь делаем! — Голос Пономаря заглушается воем эфира.— Потом, это сейчас не реально... рецензии на твои работы не в нашу пользу...

— Что, что? Да говори яснее! Чего ты виляешь?

— Твои работы рецензировали Ермилов и компания...

— Ну и что?

— Ты же знаешь их! Они считают, что это миражи и вообще...

— Ну хорошо. Пусть миражи, но ведь миражи тоже не плод моего воображения... ведь миражи появляются из-за чего-то! В конце концов ученые они или...

— Сомневаюсь... Мы тут пробовали спорить... нам приписали черт знает что! По радио всего не скажешь...

Голос Пономаря потонул в грохоте эфира. Потом чей-то голос на непонятном языке выкрикивал что-то воинственное, потом женский голос грустно читал какие-то стихи... потом возник бравурный военный марш и снова вой и грохот эфира.

Артем отошел от радио. Машинистко протянул руку к Зарьяну за папиросой. Взял. Повернулся и вышел.

Сотрудники стояли и смотрели на мигающую и воющую радио.

— Ты держись! — снова прорвался голос Пономаря.— Нам всем это будет очень нужно, понимаешь? Мы еще вернемся к этому...

Только ты держись, не падай духом! Артем, где ты?..

Жилая комната «Времянки».

Курдка разливала в чашки мацони.

В глубине комнаты за столом сидел Зарян и говорил Ирине Павловне:

— Лирика все это! Никто сейчас не приедет. Да это никого и не интересует.

Курдка взяла чашки и пошла к столу.

— Терпеть не могу сочувствующих! — Зарян взял чашку у курдки.— Спасибо... Держись! Это нужно! Слова... за эту фразеологию хочется дать по морде!

— Пономарю? — спросила Ирина Павловна, придвигая ему хлеб.

— Не знаю. Это я так... абстрактно.— Он принял за мацони.— В том-то и дело, что конкретных виновников вроде нет.

Курдка посмотрела на него и отошла от стола.

— Тогда чего кипятишься? — спросила Ирина Павловна.

— Я?.. Наоборот. Надо быть просто трезвым человеком.

— Например?

— Ну... кстати, ваш Пономарев, это прекрасно понял... при всей своей преданности чистой науке. А потом поймет Артем. И все кончится тем, что закроют эту лавочку и будут нам страшно сочувствовать.

— Это ты тоже абстрактно.

— Не совсем.— Зарьян с аппетитом ел мацони.— Людей создает время, так сказать, эпоха... и Артем тоже не исключение.

— Ты совсем не знаешь Артема...

— Конечно!

— Ты не знаешь, сколько это стоило трудов...

— Вот-вот-вот...

— Это ведь так просто, иронизировать, когда человеку и так тошно...

— Вот, пожалуйста, слова, опять слова... Ты не знаешь Артема! Держись! Это нужно! Все та же болтовня!

Ирина Павловна встала.

— Одни слова...— Он замолчал на полуслове и удивленно посмотрел на нее.— Я... собственно, не хотел вас обидеть. Кстати, болтовня — это наша общая болезнь.

— Ты-то этим не страдаешь.— Ирина Павловна вышла из комнаты.

Зарьян удивленно посмотрел ей вслед и снова принял за мацони...

Курдка с чашкой вошла в лабораторию и подошла к Артему. Он сидел спиной к ней у счетчиков.

В глубине комнаты один из сотрудников упаковывал чемодан.

Она подошла к Артему и поставила перед ним чашку. Он оглянулся.

— Кушай. Это хорошо,— сказала она и отошла от стола.

— Да. Спасибо...

Сотрудник потащил чемодан к выходу.

У двери он остановился и снял с гвоздя куртку. Вышел.

— Выключить ток? — спросила курдка.

Артем повернулся к ней и невольно улыбнулся:

— Ну, выключи... да слушай... ты не знаешь, когда-нибудь оставались зимовать на горе?

— Кто?

— Люди. Кто-нибудь.

Нази подумала. Отрицательно покачала головой.

— Курды сейчас спускаются вниз,— сказала она.— Хдо никогда не оставался зимой на горе.

— Хдо? Кто это? — не понял Артем.

— Муж.

— А-а... ну ладно. Ты собирай вещи, спустишься вниз с тягачом.

— Хорошо. А ты?

— Мы останемся здесь.

— Зимой?— Она недоверчиво улыбнулась.— Зачем нужно?

Артем молча покачал головой.

— Хдо позвали в военкомат... Он сказал — это нужно, война. А зачем зимой оставаться на горе? Тоже война?

— Как тебе сказать... одни воюют сегодня... а мы... нет, это не то. В общем понимаешь, то, что делаем мы, очень нужно будет через десять лет.

— Десять?

— Ну... Это я так, приблизительно... пять, десять... а может быть, и двадцать лет.

Вошел сотрудник с ящиком. Поставил его на пол, что-то поискал и вышел.

Нази подумала, покачала головой:

— Тогда... тогда почему твой товарищ не понимает?

— Да я и сам многоного не знаю,— ответил Артем.

— Тогда почему тебе аккумуляторы Назарян не давал? Почему спирт не давал? Почему он смеется, когда про тебя говорят? — выпалила Нази.

— А-а... он просто веселый человек.

— Веселый? У нас в Тылыке председатель тоже всегда смеялся. А Хдо злился.

— Хдо? Ах, да!

— Хдо говорил, он людей за дураков считает. Он говорил, когда я вернусь после войны, председатель не будет смеяться, когда Хдо уехал, я пришла к вам.

— Да-а,— вздохнул Артем.— А дети у тебя есть?

— Хдо позвали на войну,— тихо сказала она и развела руками.

Артем улыбнулся:

— А председатель... все еще смеется?

Нази удивленно посмотрела на него:

— Не знаю...— Она засмеялась.

И Артем засмеялся.

В комнату вошел все тот же сотрудник с молотком, оттащил ящик к стенке и стал заколачивать крышку.

Артем встал, прошелся по комнате. Подошел к сотруднику, заколачивающему крышку, и сказал:

— Сако...

— Да?

— Оставь пока это.

Сако удивленно посмотрел на Артема.

Артем подошел к окну. Он стоял и смотрел в окно.

— Не знаю,— тихо проговорил за кадром голос курдки.— Курды никогда не оставались на зиму...

Артем прошелся по комнате. Потом снова подошел к окну.

За окном шел снег. Неторопливо, хлопьями. Склоны гор были в снегу. В комнате Нази позвякивала посудой и негромко напевала тягучую курдскую песню без начала и конца.

Шел снег...

Голос Артема. А через год мы привыкли к зимовкам.

Потрепанный «виллис», тяжело урча, шел вверх по шоссе.

Артем вел машину и вслушивался в шум мотора. Потом взглянул на Ирину Павловну и сказал:

— Тянет.

— Чувствуется водительский класс.

— А что ж... вообще я в детстве мечтал стать шофером. Не помню почему...

— А мне хотелось быть кузнецом.

— Кем? — удивился Артем.

— Кузнецом. На зло мальчишкам.

Артем с любопытством посмотрел на нее.

Она, задумавшись, смотрела вперед, потом повернулась к нему, усмехнулась и пожала плечами.

Машина перевалила горб шоссе и очутилась на единственной улице горного селения. На улице было множество людей. Стоял гомон, крик.

Артем сбавил скорость и начал сигнализировать. Люди гонялись друг за другом, взрослые и молодые, с кувшинами, и обливали друг друга.

— Что это? — удивилась Ирина Павловна.

Машина, сигналя, медленно погружалась в толпу.

— А-а! — засмеялся Артем. — Это вроде...

Но он не успел объяснить, что именно: кто-то выплеснул целое ведро воды. Ирина Павловна вскрикнула. А дальше началось что-то невообразимое.

Машина пробиралась среди смеющихся лиц, сквозь хохот и крики, сквозь всплески искрящейся воды.

Они промокли до ниточки и только растерянно улыбались.

Машина, отчаянно сигналя, свернула на боковую уличку. И здесь были люди. И здесь плескалась и искрилась вода.

Артем на мгновение увидел Нази. Она стояла мокрая и счастливая возле мужчины тоже в мокрой гимнастерке со следами погонон. Мужчина свирепо ругался с кем-то улыбающимся и тоже мокрым.

Машина вырвалась на шоссе. Крики и гомон остались позади.

Артем остановил машину, достал промокший платок и пытался утереться им.

Ирина Павловна взглянула на него и рассмеялась.

— Объясни хоть, в чем дело? — спросила она.

— Ну это... вартавар...

— Что?

— Такой праздник... весенний.

— Господи! — Ирина Павловна, все еще смеясь, начала выжимать подол юбки. Потом, спохватившись, попросила: — Выйди...

Он вылез из машины, зашел за нее и стащил с себя рубашку.

Из машины то и дело появлялась рука Ирины Павловны и встряхивала юбку, кофту...

Артем отвернулся и, хмурясь, начал снимать брюки. И вдруг снова возник гомон толпы. Артем увидел бегущих к машине людей с кувшинами.

Подтягивая на бегу брюки, он кинулся в машину. Протестующе вскрикнула Ирина Павловна. Было не до этого. Артем включил зажигание...

Машина тронулась перед самой толпой. Люди бежали за ней и весело кричали.

Артем и Ирина Павловна сидели полуголые и старались не смотреть друг на друга.

А люди бежали, увлеченные погоней, и вокруг них искрилась и брызгала вода...

Голос автора. А что было потом?

Голос Артема. Потом... потом прошла Хиросима.

Голубой шар метался из стороны в сторону. Он стукался о зеленое поле и снова взлетал. У Зарьяна было худощавое, бесстрастное ли-

до и холодно поблескивающие очки. За ними не было видно глаз, и нельзя было понять, куда он пошлет шарик в следующее мгновение.

Цовак. Он был увлечен игрой куда больше, чем сами партнеры, хотя сам и не играл.

На его лице отражались все нюансы игры.

Артем. Играли спокойно, деловито.

Шарик продолжал метаться. Он то приближался к камере, занимая весь кадр, то удалялся, становясь маленьким.

— У тебя ракетка под неправильным углом,— сказал Цовак.

— Не страшно,— ответил Зарьян.— Важен результат.

— Конечно! Ты ведь абсолютный чемпион,— обидчиво ответил Цовак.— Дай пять очков форн.

— Это тебе ничего не даст,— парировал Зарьян.

— Вот робот! — возмутился Цовак.

Шарик продолжал метаться.

Ну, хватит, так можно до бесконечности,— сказал Артем и ударил ракеткой. Шарик, стукнувшись о поле, взлетел вверх.

Шарик упал на стол для пинг-понга, подскочил несколько раз и, наконец, плавно покатился по столу...

Лето. Живописные склоны гор залиты солнечными лучами. Чистое, безоблачное небо. Щебечут птицы.

Через ветви молодых деревьев проглядывало здание физической лаборатории. Оттуда доносились голоса идущих Цовака, Артема и Зарьяна.

— ...Это отвлекает,— говорил Зарьян.

— А я не хочу, чтоб меня отвлекало,— возразил Артем.

Они мелькали в просветах между деревьями. Через плечи у них были перекинуты темные рабочие халаты.

Издали доносилось урчание мотора.

Все трое оглянулись. И Цовак, присвистнув, сказал:

— Товарищи, гости приехали.

В глубине двора остановился автобус. Возле него уже стояли приехавшие. Мужчины и женщины. Молодые и старые. Они стояли и в нерешительности оглядывались вокруг.

— Робот, улыбнись,— сказал Цовак Зарьяну.— Живые люди пришли.

Артем засмеялся:

— Ну ладно, ладно. Пойдем...

Лаборатория. Артем, лежа под установкой, разъединял узлы пак.

— Паяльник,— коротко бросил он.

Чья-то рука подала ему паяльник.

Все были заняты.

Цовак сидел на полу и, орудуя отверткой, напевал армянскую песню. Прервав ее на полуслове, он сказал Ирине Павловне:

— Вы знаете, две тысячи лет тому назад у нас уже был театр. А сейчас? Тоже театр.

Ирина Павловна улыбнулась.

— Степа, включай,— сказал Артем.

Степа направился к тумблерам.

Цовак вздохнул и вполголоса сказал Ирине Павловне:

— Нет, я вас обязательно повезу по развалинам Армении.

Ирина Павловна рассеянно кивнула.

Все прекратили работу и ждали.

— Внимание... даю.— Степа включил один тумблер... второй... третий...

Зарьян вглядывался в экран осциллографа. В беспорядке вспыхивало несколько неонок и гасло. Все молчали.

Зарьян отстранился от осциллографа и, уловив вопросительный взгляд Артема, отрицательно покачал головой.

— Стоп, — сказал Артем.

Он разъединил один узел, и вдруг его внимание привлек посторонний шум.

Он увидел, как в лабораторию вошли люди, вернее, он сначала увидел их ноги, переступающие через провода.

— А здесь, товарищи, лаборатория космических лучей, — услышал он голос заместителя директора.— Руководитель кандидат физико-математических наук Манвелян Артем Сергеевич.

Артем невольно поджал губы. Стук каблучков. Он снова посмотрел.

От группы отделилась пара стройных женских ног, медленно приблизилась и остановилась прямо перед ним.

Артем отвернулся и продолжал разглядывать схему соединений.

— Вот... как вам все это объяснить... — сказал заместитель директора.

А ноги женщины продолжали стоять рядом. И вдруг рядом с женскими ногами свесилась юношеская голова с изумленными глазами, ли-

цом к лицу столкнулась с Артемом и тут же исчезла.

— Контакт припаивает,— прошептал юношеский голос.

— Много ты знаешь! — также шепотом ответил девичий.

— Артем Сергеевич!

Приходилось вылезать. Артем вылез из-под установки и лицом к лицу столкнулся с девушкой.

Девушка с любопытством, в упор смотрела на него.

— Извините, у меня руки... — сказал Артем.

— Это мы понимаем,— пробасил седоусый мужчина с колодкой орденских лент на лацкане пиджака.

Гости, очевидно, разделились на группы, и здесь их было трое: седоусый мужчина, юноша и девушка.

Мужчина с добродушной улыбкой кивнул ему и оглядел лабораторию, потом снова посмотрел на Артема:

— Значит, космические? — спросил он.

Артем растерянно пожал плечами.

— Артем Сергеевич, — сказал заместитель директора.— Расскажите, пожалуйста, о вашей работе.

— Ну что ж... в общем, эта установка для регистрации и изучения спектра частиц, приходящих на землю из космических пространств... точнее — вторичных частиц...

Он умолк и провел рукой по металлическому ребру установки, подыскивая нужные слова.

Цовак сочувственно смотрел на него.

— Вот,— продолжал Артем,— как видите, установка несколько сложновата. М-да...

— Одним словом, это, так сказать, приемник космоса,— подхватил Цовак, раздвигая гостей, и прошел в круг.— С его помощью физики находят новые частицы, изучают их, измеряют и даже взвешивают. Работа физика — это не цепь открытий. Это многолетний, кропотливый труд, который длится десятилетия.— Цовак прошел по лаборатории, увлекая за собой гостей.

Он прошел мимо Артема, и тот с невольным уважением посторонился.

— Как бы вам это объяснить? — вдохновенно продолжал Цовак, поворачиваясь к идущим за ним гостям.

— Война... отгремела,—неожиданно сказал он. У Заряна приподнялись брови над очками.

— Мир. И еще много событий, которые мы пережили с вами. А все это время Артем Сергеевич и его лаборатория искали эти свои частицы. Артем Сергеевич начал свои поиски совсем юношой.

Девушка очень внимательно смотрела на Артема.

— В то время я только началходить в школу. А сегодня, как видите, я уже ему помогаю в этих поисках. Эти частицы нельзя видеть. О них можно догадываться... предполагать и верить.

— И нашли? — спросил юноша.

Артем усмехнулся.

— Что, частицы? Разумеется. Во всяком случае, он их предсказал. Но ведь есть еще античастицы.— Цовак, видимо, решил окончательно доканать ошеломленных гостей.

— Дурак...— Он выразительно помолчал. Гости растерянно переглянулись.

— ...Предсказал существование этих античастиц и сам же был смущен этим открытием. Но это так, между прочим,— смягчил он впечатление.— Вот мы с Артемом Сергеевичем собираем эту машину. Она пока молчит. Но, наверно, обязательно заговорит. Пожалуй, пока все.

— Пойдемте, товарищи,— сказал седоусый.— Не будем мешать людям. Большое спасибо вам.

Они, также осторожно переступая через провода, вышли из лаборатории.

У самого порога девушка еще раз оглянулась на Артема.

Цовак провожал гостей. Закрыв за ними дверь, он оглянулся и с шутливым возмущением сказал:

— Ни одной водородной бомбы на весь институт! Позор...

Гости стояли в конференц-зале и выжидательно смотрели вверх. Стихал гул голосов.

Звукозаписывающая установка находилась в конце зала. Установка была большая, с целый шкаф, внушительная, со множеством глазков контрольной сигнализации.

С установкой возился Цовак и через плечо пояснял:

— Это, конечно, для науки не имеет важного значения. Но радиофизики записали. Ведь все-таки это голос Галактики. Это голоса других миров. Да, где-то рождаются новые миры и умирают. И об этом кричат на всю вселенную. Сейчас вы все услышите.

Установка замигала разноцветными глазками, задергались стрелки циферблотов и... из установки полились звуки танго.

Цовак озадаченно оглядел контрольную сигнализацию, почесал в затылке и повернулся к гостям.

Те заулыбались.

— М-да.— Цовак тоже улыбнулся.— Ничего. Сейчас мы немного потанцуем, а потом будет Галактика...

Он спрыгнул вниз и галантно предложил руку какой-то женщине.

Танцевали гости и сотрудники лаборатории. Все выжидательно поглядывали на мигающую установку.

Артем и Зарьян стояли у стены. Зарьян, зло поблескивая стеклами очков, говорил Артему:

— Танец деградировал. Ты заметил, сейчас люди очень скованно танцуют. Как будто выполняют какой-то долг...

Девушка, которая была в лаборатории Артема, о чем-то перешептывалась с подругой, робко поглядывая в сторону Артема. Потом она решительно направилась к нему.

— Не понимаю,— пожал плечами Артем.— Что я здесь торчу?

Перед ним стояла та самая девушка. Страшно волнуясь, она спросила:

— Скажите, а вы танцуете? — Она выглядела очень растерянной и смущенной.

Артем, не выдержав, улыбнулся.

— Очень даже танцую,— сказал он и обнял девушку за талию.

...Зарьян остался один. Но ненадолго. К нему подошел мужчина средних лет, начисто выбритый, с прилизанными редкими волосами и, щуря маленькие глазки, спросил:

— Скажите, как это было, когда приехал к вам наш... ну, руководящий товарищ. И вы своими лучами... на полдороге остановили его машину. А?

Зарьян, вероятно впервые в жизни, снял очки и безнадежно посмотрел на него. Потом, не выдержав, засмеялся и ушел...

Артем и девушка танцуют.

— Вы хотите о чем-то спросить меня? — сказал Артем.

— Нет.— Девушка вскинула на него глаза и повторила: — Нет.

Ее белое лицо, покачиваясь, плыло на смутном фоне мелькающих смеющихся лиц...

Она молча смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Вы любите танцевать? — невпопад спросил Артем.

Девушка кивнула головой и шепотом ответила:

— Очень.— Ее белое, чуть запрокинутое лицо с большими, темными глазами плыло на смутном фоне движущихся лиц...

— А сейчас будет Галактика! — крикнул Цовак.

Стало тихо. Только таинственно подмигивали контрольные глазки. Потом возник отдаленный гул. Он постепенно перерос в громкий рокот, потом что-то зарокотало, завыло, все это перекрывалось грохотом, напоминающим далекие взрывы.

вы... Где-то в космосе ворочались целые миры. Рождались и умирали.

Гости слушали, затаив дыхание.

Девушка смотрела на Артема широко раскрытыми глазами и шепотом спросила:

— Зачем вам туда нужно?

В глубине, за ними, таинственно подмигивали расплывающиеся огоньки контрольной сигнализации...

Огоньки-звезды, мерцая и подмигивая, покачивались вокруг них, плавно уходя назад.

Голос Артема. «Зачем нужно!?!» Попробуй объяснить, зачем ты занимаешься своим делом. Наверно, получится высокопарная белиберда... А все-таки, бывают же такие вопросы! Зачем нужно...

Артем и девушка сидели на мотоцикле. Мотоцикл мчался на фоне ночного Еревана. И это город меркал тысячами огней.

Девушка доверчиво держалась за его плечо.

Артем искоса посмотрел на покоящуюся на его плече руку...

Голос автора. Что ты ответил ей?

Голос Артема. Ничего... То есть я ей сказал, что эти взрывы отгремели в Галактике тысячи лет тому назад... А она растерялась еще больше.

Голые коленки девушки прижимались к нему, по-детски наивные и худые. Фара мотоцикла выхватывала из темноты какие-то искаженные силуэты домов, упиралась в перспективу улицы, скользила по каким-то стенам.

Вспыхнул переди светофор.

Мотоцикл остановился. Артем оглянулся. У девушки по-прежнему были широко раскрыты глаза. Они задумчиво блуждали по мерцающим окнам.

Потом они останавливаются на нем такие же задумчивые и растерянные.

Он отвернулся.

По ту сторону перекрестка, задержанные светофором, стояли машины со сверкающими фарами.

Потом перекресток пересекла вереница велосипедистов. Плавно возникшая из темноты, похожие друг на друга, с рюкзаками на спине. Их силуэты бесшумно проплывали в ореоле сверкающих фар.

Вспыхнул зеленый свет.

Мотоцикл тронулся.

Они подъехали к небольшому двухэтажному дому.

Девушка сошла с мотоцикла и сказала:

— Вот здесь.

Она не уходила и стояла на ступеньке, очень привлекательная, с большими, темными глазами.

Артем оглядел дом. Из окон второго этажа доносились негромкие звуки виолончели.

— Не хочется спать? — спросил Артем.

Девушка отрицательно покачала головой.

— Кто это играет? — спросил Артем.

— Мой брат... А вы много нашли частиц?

— Много... Даже слишком много. — Артем усмехнулся и спросил. — А как вас зовут?

— Меня?

— Конечно. Ведь у вас есть имя?
— Да,— согласилась девушка.
— Ну, ладно,— улыбнулся Артем.— Я пошутит...

Он собрался ехать и девушка спросила его:
— Вы поедете работать?
— Нет,— серьезно ответил Артем.— Я пойду спать...

— Скажите, а эти частицы назовут вашим именем? — спросила девушка.

— А как же! — улыбнулся Артем.— Ну, спокойной ночи.

Мотоцикл тронулся.

Светящаяся точка кружила по ночной площади.

Спали дома. Потом мотоцикл въехал на боковую улицу, и мотор заглох.

Артем покачал машину и прислушался к бензобаку. Бак был пуст.

Артем огляделся по сторонам и вдруг впервые за вечер почувствовал ночную тишину. Он оставил мотоцикл, пошел по улице....

Он вышел на безлюдную ночную площадь. Было очень тихо. И был слышен четкий звук шагов. Он увидел идущую по кругу площади машину. Она шла навстречу.

Артем махал рукой, но машина бесшумно скользнула мимо него, сверкнув фарами. Не остановилась и вторая машина, и третья. Он махал рукой, даже кричал, но ни одна из машин не останавливалась. Они, точно темные призраки со сверкающими глазами, проносились мимо него.

Он пошел обратно к мотоциклу.

Остановился. Оглядел улицу. На улице не было ни души.

Улица показалась знакомой. И дом был как будто знакомый. Он разглядел табличку на стени: «Улица Налбандяна». Да, ведь здесь живет Ирина Павловна! Он увидел свет в двух окнах на третьем этаже. Это была ее квартира.

Он побежал по лестнице наверх и позвонил.

Дверь открыл мужчина в рабочем халате, перепачканном краской, в руках он держал кисть.

— Простите,— сказал Артем.— Я к Ирине Павловне.

— Пожалуйста.

Они прошли по коридору.

— Я разбудил вас,— виновато сказал Артем.

— Нет. Не сплю,— сообщил мужчина. Он остановился возле дверей своей комнаты и удивленно сказал: — Чего я не сплю?

Он кивнул Артему и вошел к себе. Артем прошел дальше по коридору и подошел к двери. За дверью был слышен юношеский ломающийся голос:

— Я с удовольствием учил армянский. Поэтому что я живу в этой стране и мне это нужно. Но почему я должен запоминать точную дату сожжения Джордано Бруно?

Артем заглянул в приоткрытую дверь.

Ирина Павловна сидела за столом, непохожая на ту, которую он привык видеть в лаборатории. Сейчас сидела пожилая женщина в очках и в домашнем халате и ножницами кроила рубашку.

— Оставь, пожалуйста, в покое Джордано Бруно,— сказала она, не прекращая работы.— Гораздо проще один раз запомнить эту дату...

Артем постоял, потом отошел от двери и пошел по коридору назад. Он заглянул в мастерскую художника.

Мастерская была маленькая. В углу пристроился художник, склонившись над работой, и мурлыкал песню.

Артем посмотрел и вышел из кадра.

За кадром мелькнула закрывающаяся дверь...

Он медленно шел по ночной улице. Издали доносился настойчивый, монотонный стук.

Артем прошел дальше и вышел к студенческому общежитию.

У подъезда здания стоял паренек с аккордеоном и стучал в дверь. Ему никто не отворял дверь, но он продолжал стучать терпеливо и настойчиво.

Светящиеся окна верхних этажей жили своими заботами:

Размахивая руками, ходила тень всклокоченного юноши...

Девушка вешала на веревочку чулки...

Плюхнулась на подоконник кипа книг...

Едва слышалась мелодия старой песни. У окна мечтательно прислонился к раме профиль девушки. В глубине, в том же окне, плавно танцевали две другие девушки.

А снизу возносился к окнам настойчивый, терпеливый стук...

...Потом он шел по какой-то другой, незнакомой ему, улице. Он задержался возле витрины рыбного магазина. На стекле виднелась бумажка с надписью, сделанной от руки: «Имеется в продаже свежая вобла!» А за стеклом покачивалась на нитке безглазая вобла.

Артем усмехнулся, потом задумался.

— Ешьте... — возник чей-то голос.

— Спасибо, — ответил голос Артема.

Вобла продолжала раскачиваться на ниточке.

— Берите... берите! — повторил все тот же голос.

— Да берите же... мне на целый месяц выдали паек. Куда его таскать? — настаивал добродушный лысеющий военный с двумя шпалами на петлицах. Он аппетитно уплетал воблу, протягивая вторую Артему. Это было в купе вагона. Люся сидела рядом, в ситцевом платье. Она спала, прислонившись к его, Артема, плечу.

— На целый месяц? — удивился Артем и взял воблу.

— Ну да... — Военный полез в мешок за следующей.

Артем незаметно толкнул Люсю. Та недовольно поморщилась и не проснулась.

— ...Во Владивосток еду... немцы, понимаете, идут к Москве, а тут нате... Владивосток!

Артем сочувственно кивнул и принял за воблу. Люсю будить он не решался. Было как-то совестно — военный глядел на него.

— Да-а, — говорил он мечтательно. — К этой вобле да еще грамм по триста спирту... Хорошо бы! А кто вы по профессии?

— Я? Физик.

— Учитель, что ли?

— Нет.

— А-а... опыты разные ставите... — Военный задумался, потом с грустью сказал. — В школе, помню, двойки хватал за это самое... ну, закон кипячения. Кипит себе, думаю, какие еще тут за-

коны? Старичок у нас был, физик, Александр Никодимыч... строгий.

Военный помолчал, потом вздохнул:

— Сейчас бы за парту, в коротких штанишках.— Он снова нагнулся к вещмешку.— Не ценим мы жизненные радости. Не ценим!

Артем толкнул Люсю сильнее, и она проснулась.

— Ну что ты толкаешься? — обиженно спросила она.

— Я? — смущаясь Артем. Военный с любопытством смотрел на них.— Это ты во сне. Хочешь воблу?

— Хочу,— ответила Люся.

— Да вы ешьте,— обрадовался военный.— У меня их навалом. Ешьте...

А потом Люся шла по пронизанной солнечными лучами аллее того самого парка.

Это он хорошо помнил. Она уходила по аллее, в солнечных бликах пронизывающих лучей. И бесшумно кружились и опадали осенние листья. Их становилось все больше и больше — ярких и больших листьев...

Город спал. Спали дома. Спали улицы. И только задумчиво мигали желтые светофоры.

Голос Артема. Послушай! Почему ты так долго молчишь? Скажи хоть, что делала та девочка со смешными косичками?

Голос автора. Не знаю. Она, наверно, отрезала свои косички... она, наверно, уже знала, что дважды два — это четыре.

Голос Артема. Не всегда...

Радиоприемник. Голос диктора деловито рассказывал о полете четвертого космонавта Попо-

вича. Радиоприемник находился на верхней площадке новой установки. Установка была большая, на целых два этажа, с балконами, переходами и лестницами. Была поздняя ночь, и в лаборатории никого не было. Только снизу доносился негромкий, настойчивый стук.

Внизу, у камеры Вильсона, сидел Артем и стучал молотком, освобождая какой-то шплинт. Он услышал чью-то шаги, оглянулся и увидел Зарьяна.

— Ты? — Не удивился Артем.

— Угу.— Зарьян снял сорочку, надел рабочий халат и подошел к осциллографу.

А Артем принялся за свою работу.

Некоторое время они работали молча, потом Зарьян, продолжая смотреть с осциллографа, сказал:

— Артем, я говорил совершенно серьезно.

— Угу.— Артем задумчиво покачал головой, разглядывая камеру.

— Ты слышишь меня? — Зарьян посмотрел в его сторону.

— Слушай.— Артем откинулся на спинку стула.— Не будем сегодня об этом, а?

— Да, но...— Зарьян замялся, потом сказал: — Дело в том, что я уже получил приглашение...

— Вон ты как! — Артем удивленно покачал головой, встал, закурил и вышел из лаборатории.

В темноте ночи вдали были видны переливающиеся огни города.

Чуть погодя за ним вышел Зарьян и стал чуть поодаль.

— Только ты не обижайся, пожалуйста.—
Зарьян, волнуясь, затянулся сигареткой, и ее огонек заиграл на стеклах очков.

— Если я тебе скажу, что физика — все-таки столичная наука, ты будешь смеяться. Ну ладно... Можно с тобой откровенно?

— Чудак... ну конечно.

— Понимаешь, для меня проблема личного — не пустой звук. Ну как бы тебе сказать... в Москве меня ждет человек, который мне нужен...

— Девушка? — участливо спросил Артем.

— Не совсем... то есть, жена.

— Ну-у!

— В общем, хочу в Москву,— сказал Зарьян.— Хочу все самое хорошее, самое новое, интересное. Хочу жить по-настоящему.

Он замолчал. Нервно курил. Вздрагивал огонек сигареты. Потом махнул рукой в сторону лаборатории и сказал:

— Иногда мы забываем, во имя чего все это делается!

Они помолчали.

— Давно мы не были в городе,— задумчиво проговорил Артем.

Вдали заманчиво мерцали городские огни, похожие на россыпь алмазов...

— Прости, ты о чем? — не понял Зарьян.

— Да так...

Артем втолпал в землю окурок...

— Пошли...

Они вошли в лабораторию.

— Дай напряжение,— сказал Артем.

Зарьян кивнул и поднялся по лестнице. Когда он шел по пролету, Артем его окликнул:

— Слушай...

— Да? — Зарьян перегнулся через перила.

— Ты ее придумал?

— Кого? — не понял Зарьян.

— Ну... девушку в Москве?

— Видишь ли... — замялся Зарьян.— Не совсем...

— Ладно, давай напряжение.

Зарьян скрылся в отсеке пульта управления.

Артем погасил свет в лаборатории и подошел ближе к камере Вильсона.

Камера слабо осветилась в полумраке.

Зарьян включил рубильник.

Мерный гул генератора постепенно наполнял лабораторию.

Лицо Артема едва виднелось в отсветах камеры. Все громче и громче нарастал гул генератора, и вдруг раздался гулкий выстрел.

Ослепительно вспыхнули рефлекторы фотокамер. Застучал счетчик.

В туманном пространстве камеры проскочила невидимая частица, оставляя тоненькую ниточку следа.

И снова мерно гудел генератор. По металлической лестнице прогрохотали шаги Зарьяна.

Он подбежал к Артему и пристроился рядом, на корточках.

— Это пятисотка! — крикнул он Артему, глядя на камеру.

Артем сидел молча, подперев подбородок кулаком, и, задумавшись, смотрел перед собой.

И снова гулкий выстрел, ослепительная вспышка рефлектора, дробный стук счетчика и призрачный след невидимой частицы...

Темное здание лаборатории, повисшее над крутым обрывом, казалось, дышало этими вспышками, и ее залпы подхватывало эхо и разносило среди скал.

А в ночи безмятежно и заманчиво переливались алмазами далекие городские огни...

На письменном столе звонил телефон. Кто-то, шаркая шлепацами, вошел в комнату и включил свет.

Это был Пономарь. Всклокоченный, худой, облаченный в пижаму. Он подошел к телефону, взял трубку и снова буркнул:

— Я слушаю.

— Ну, в общем, это я, Артем,— сказал Артем.

— Старик, что случилось? — встревожился Пономарь.

— Ничего... Установка сработала. Слышишь? — Артем отставил трубку.

Снизу доносились гул генератора и выстрелы камеры.

— Ну, это здорово! Значит, порядок?

— Да, как будто.

— Что «как будто»! Я читал твою статью о пятисотке, это, я тебе скажу...

— Слушай, Пономарь, ты можешь помочь?

— Могу. А что?

— Так вот слушай... Все это хорошо — и пятысотки, и камера, и статьи... Я даже стал достопримечательностью Еревана.

— Что ты болтаешь?

— Ты слушай, Олег, ты первый, кому я говорю...

— А телефонистки?

— Пусть. В общем, Олег, спускаюсь я с гор... Здесь работа, конечно, пойдет, а для меня... высокогорная космическая эпопея закончена...

В трубку заклокотали восклицания, выкрики. Артем отставил трубку, прикрыл ее ладонью и переждал. Потом снова взял трубку. Пономарь кашлял.

— А теперь слушай дальше,— сказал Артем, когда в трубке стихло.

— И не подумаю!

— Олег, хочу строить ускоритель.

— Что?

— Ускоритель.

— Ф-фу, черт! Аж в пот бросило... а я-то подумал... Значит, держимся, старик?

— Да, конечно, болван.

— Ты, дуб! Говори, что мне надо делать?

— Многое. Теперь-то ты не отвертишься. Война, опыт, возраст... Теперь ты у меня видный теоретик... Книги пишешь...

— Фигура, Артюшка! — восторженно закричал Пономарь.— Слушай, так ведь это... Так ты правда, да? Эй, дуб! Мы сейчас выпьем, понял?

Не выпуская трубки, он потянулся к шкафчику, достал графинчик, рюмку.

— Сейча-ас мы трахнем!..

— Слушай, у меня здесь нет ничего выпить, Пономарь! — смеялся Артем в трубку.

— Какая разница? — ответил он.— Зато у меня есть, сколько хочешь! — Он налил в одну

рюмку, потом вытащил вторую, наполнил ее и, зажав трубку головой, потащил рюмки к столу.

— Артюшка, пьем! — Он постучал рюмками у трубы.— Слышишь?

В комнату вошла молодая женщина в халате. Она ничему не удивилась. Она подошла к шкафчику, искося с улыбкой глядя на Пономаря, поправила стоящий на краю графинчик.

— Это за ваш ускоритель! Понял? — крикнул он и выпил первую рюмку.— А это за тебя, тип!

Пономарь сел к столу и спросил:

— Слушай! Хочешь чудо?

— Хочу,— ответил тот.

— Так бери карандаш и записывай,— сказал Пономарь.— Это черт знает что! Это Бетховен!

В лаборатории по-прежнему оглушительно грохотала камера и ослепительно вспыхивал рефлектор.

— И как по-твоему, к чему все это приведет, а? — спросил Пономарь.— Это ведь абсолютно сумасшедшая вещь, старик! Я даже...

И тут их прервали. Сухой голос телефонистки сказал:

— Ваше время истекло.

— То есть как истекло? — рассердился Артем.— Не перебивайте. Продлите время.

— Не могу. Линия перегружена.

— Но послушайте...— начал было он, но в трубке была тишина.

Пономарь сидел на столе с закрытыми глазами и тяжело дышал. Казалось, разговор утомил его. Его лицо покрылось испариной.

Женщина осторожно подошла к нему и с тре-

вогой заглянула ему в лицо. Он открыл глаза, увидел очень близко ее лицо, вздрогивающие ресницы. Он виновато улыбнулся и сказал:

— Это я просто раскричался, Оля.

— Я прибежала на твой крик.— Женщина улыбнулась одними губами.

— Хм! — сказал Пономарь и ласково провел ладонью по ее щеке.— А все-таки здорово у Артюшки!

— Да... Пойдем, Олежка. Ты поспи.

— Это можно.— Он встал, обнял ее, и они вышли из комнаты.

На столе гудела позабытая трубка...

Пономарь улегся в постель. Оля прикрыла его одеялом по подбородок, потом что-то прибрала на тумбочке.

— А ты? — спросил он.

Она молча кивнула. Отодвинула подальше маленький будильник, приподняла поближе какую-то мензурку, сняла халат и легла рядом с ним. Они молча лежали на спине. Мерно тикали часы.

Вдруг он хмыкнул и сказал:

— Хм! Орангутанг! Время истекло!..

Самолет пробивал густую путаницу облаков. Город возник неожиданно, большой, раскидистый. Самолет плавно завалился вниз, выровнялся, полез вверх и снова начал заваливаться вниз.

Голос Артема. В Москве я узнал, что Пономарь лежит в больнице. Это оказалось гораздо страшнее, чем все мы предполагали. Пономарь был всегда человеком крайностей, даже в этом...

Город стремительно мчался навстречу самолету. Все замелькало, сливаясь, потеряло свои очертания. Потом все оборвалось. И рев моторов и стремительная полоса слившихся предметов...

Женщина стояла в широком прямоугольнике окна. Артем видел только ее темный силуэт в потоке ослепительного утреннего света и слышал голос:

— Вы знаете, как открывать окно? — спросила она.

— Нет... наверно, нет. — Он пожал плечами, не совсем понимая ее.

— Это очень просто. — Она повернулась к окну, передвинула никелированный рычаг и толкнула окно. Окно сдвинулось, как классная доска.

Артем молча кивнул.

— При гостинице имеется прачечная. И ресторан, конечно...

Она улыбнулась.

— Телефон соединяется через коммутатор...

— Знаю. Я уже звонил.

Она пошла к двери.

Артем постоял, потом подошел к телефону, взял трубку и попросил город. Он набрал номер и долго ждал. Потом услышал женский голос:

— Да? — Это был голос Оли.

— Оля... это я, Артем.

— Артем, — повторила она и замолчала.

— Оля, я звонил в клинику и не мог ничего толком узнать. Скажи, как у Олега?

— Плохо, Артюша. — Голос Оли дрогнул, и она снова замолчала.

— Оля! Оля, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Я сейчас приеду к вам.

— Вечером, Артюша.

Они помолчали. Дальше не имели значения никакие слова утешения. Он это понимал и все же продолжал говорить что-то сбивчивое, бесвязное. Он не мог просто так сказать: «До вечера» — и положить трубку.

— Оля, ты не падай духом! Ты меня слышишь?

— Слышу...

— Я приду вечером... Мы поднимем на ноги всех врачей... Понимаешь, сегодняшняя медицина — это уже... Потом, это еще не конец... — Он замолчал.

— Да, Артюша, — вздохнула Оля. Потом спросила: — Ты был в институте?

— Пока нет, да это сейчас не важно...

— Ты обязательно позвони Арону Израилевичу, — сказала Оля. — Олег передал ему свои вычисления по твоим работам, он просил тебя обязательно зайти к Арону Израилевичу.

— Олег?!

— Да. До вечера, Артюша...

Голос Оли замолчал. Потом послышались частые гудки, а он все держал трубку и сидел, беспомощно глядя на окна...

Зуммер телефона переходил в звук шагов. Они четко отдаются в утренней тишине.

Светает. Медленно движется навстречу пустынный проспект. Он проходит мимо памятни-

ка Марксу, мимо Большого театра. Остаются позади красочные рекламы «Метрополя», поблекшие от утреннего света.

Четко отдаются его шаги...

Перед ним возникает здание «Детского мира». Шаги умолкают.

Мчится по безлюдному проспекту новенький мотороллер. На нем двое. Юноша склонился над рулем. На заднем сиденье дремлет девушка...

Голос автора. Ты, наверно, встречал подобных людей. На вид им чуть больше двадцати, но они всегда стараются придать своему лицу выражение все изведавших и уже уставших людей.

— Ты ведь встречал таких?

Мотоцикл проносится за спиной Артема.

Голос Артема.— Кажется. Не помню.

Мотоцикл на мгновение тормозит вдали и медленно исчезает из поля зрения.

Издали доносится мерный гул мотора.

Артем смотрит вверх.

Это «Детский мир». Камера скользит по красочным витринам...

Голос автора. Да, я понимаю. Частицы, античастицы. Какой-то новый, неведомый мир. Время, которое можно растянуть до бесконечности...

И снова слышатся шаги. Они возникают рядом с громадными витринами, со вкусом оформленными. За их стеклами видны космические ракеты, спутники, реактивные лайнеры, блестящие современные лимузины и шагающие эскаваторы... И вереница застывших автомашин на хитроумно-переплетенных шоссе и проездах.

Голос автора. Скажи, это правда, что если улететь на космической ракете, пробыть там двадцать лет, то за это время на Земле пройдут столетия, уйдут десятки поколений, и когда ты вернешься, то найдешь совсем другое время и иных людей? Скажи, ты ведь физик!

Голос Артема. Да, правда.

Голос автора. А ты хотел бы вот так улететь?

Голос Артема. Нет.

Нарастает гул мотора. В кадр входит все тот же мотороллер.

Голос автора. Подумай.

Голос Артема. Нет.

В глубине кадра Артем сворачивает за угол.

Мотороллер остановился.

— Дальше не надо,— сказала девушка.— Много шума. Переполошишь всех соседей.

Она соскочила с мотороллера.

— Клевета! — сказал юноша.

— На кого? — насторожилась девушка.

— На технику,— пожал плечами юноша.

— А...— Девушка заложила руки за спину и потянулась.— Ну...

Он, не сходя с мотороллера, взял ее за локоть и потянул к себе. Девушка недовольно поморщилась и отвернула лицо.

— М-м,— недовольно протянула она.— Поцелуй с бензином! И потом — на сегодня хватит.

— В общем-то, если тебе неприятно мое общество, я могу удалиться,— с обидой ответил юноша.

Девушка рассеянно смотрела по сторонам. Ее безразличие задело парня.

— Ты только скажи, и я уйду,— делая уда-
рение на последнем слове, сказал он.— Уйду сов-
сем...

Девушка посмотрела на него, как бы припо-
миная что-то.

— Ну, что ты молчишь? Ты только скажи, и
я уйду.

— Да. Уйди.— Она смотрела на него, слов-
но ожидая, что он сделает, и повторила: —Уйди.

Он растерянно заморгал глазами, положил
ногу на педаль стартера...

А девушка ждала.

— Ну, уйди.— Ее голос звучал даже проси-
тельно.

Но он не двигался с места. Он, конечно, оби-
дился, отвернулся, но продолжал сидеть на мотоцикле.

Неожиданно девушка рассмеялась. Это был
горький смех.

Он с недоумением взглянул на нее и, ничего
не поняв, пробормотал:

— Танька, ты чокнутая! Чего ты хочешь?

Девушка закружилаась, потом вдруг остано-
вилась перед витриной «Детского мира», состро-
ила своему отражению капризную гримасу и ска-
зала:

— Куклу.

— Чего? — не понял юноша.

— Хочу куклу,— с детским упрямством по-
вторило ее отражение в стекле витрины.

Он решил, что это повод к примирению, и ве-
село спросил отражение:

— Говори, какую хочешь?

Отражение покачало плечами:

— Любую. Все равно какую...

— Я тебе подарю на день рождения.

— Нет,— отражение покачало головой.—
Я сама себе куплю.

Потом она обернулась к нему. Ее взгляд стал
безразличным, и она лениво проговорила:

— Знаешь... ты езжай. Я хочу спать. При-
вет! — Она махнула ему рукой и пошла по улице.

Он сидел и смотрел ей вслед, ждал, что она
оглянется, но она не оглянулась.

Тогда он растерянно оглянулся вокруг, слов-
но ища у кого-то сочувствия, но на улице не бы-
ло ни души. Был только «Детский мир», была
его витрина, и за ее громадным стеклом стояли
космические ракеты, спутники, реактивные лай-
неры, блестящие современные лимузины и ша-
гающие экскаваторы. Они стояли, как и прежде,
исчезло только ее отражение.

А девушка вошла во двор, поднялась по лест-
нице со старыми резными перилами. Открыла
своим ключом дверь, прошла коридор и остано-
вилась на пороге комнаты.

В комнате за столом сидел пожилой мужчи-
на, пил чай и просматривал газету.

— Здравствуйте,— после небольшой паузы
бросила она и пошла по комнате.

— Ты хочешь сказать — доброе утро? —
спросил мужчина, глядя в газету.

Девушка ничего не ответила и молча прошла
в свою комнату.

Он отложил газету. Встал. Подумал. И по-
шел за ней.

Она сидела за письменным столом, спиной к
нему. На столе, занимая почти две его трети,

стоял большой приемник. Девушка, не включив его, бесцельно нажимала на клавиши.

Он встал за ее спиной, помолчал и сказал:

— Между прочим, если, конечно, это тебя интересует, мама не спала до трех часов и ждала тебя.

— Мама ждала? — Девушка изобразила на своем лице крайнее изумление.

— Да. Ждала, — жестко, с расстановкой повторил мужчина.

— Ну... — Она пожала плечами, как бы говоря: что поделаешь? И сказала, николько не заботясь о том, поверят ей или нет. — Я вчера сдавала электродинамику.

Она достала зачетную книжку и протянула ему.

— А потом? — Он не взял зачетной книжки.

— Потом. — Девушка усмехнулась. — Надо же отметить... такое знаменательное событие.

— Таня. — Он положил руку на ее плечо. — Когда-то ты была маленькой девочкой, и я пришел впервые к вам...

— О, ну зачем...

— Я тогда тебя спросил... тебя, соплячку! И ты ничего не сказала.

— Николай Федорович, вы бы все равно не ушли.

— А ты хотела, чтобы я ушел?

Девушка молчала.

— Но ведь я не виноват в том, что была война! В том, что люди погибали, а я выжил... да, черт возьми! Выжил! — Он задыхался от обиды. — Ведь я был там!

Девушка молча смотрела на него.

— Ну, чего ты молчишь?

— Почему вы тогда не ушли? — тихо спросила девушка.

Мужчина остался.

А девушка продолжала:

— Когда вас не было, мама ждала... Каждый день ждала! А вы пришли, и она перестала ждать. Она боялась ждать! Когда к нам стучали, она вздрогивала. Ей казалось, что это папа. Вы оба старались даже не вспоминать о нем. Как будто его вовсе не было. Но ведь папа был. Вы понимаете? Был! Был! Был!!!

Наступила долгая тишина. Они стояли молча, лицом к лицу.

В соседней комнате послышалось шарканье шлепанцев, и женский голос спросил:

— Коля, это Таня пришла?

Он продолжал смотреть в глаза девушки и сказал:

— Почему пришла? Она только проснулась. Девушка грустно усмехнулась.

Автомашины стремительно двигались по хитроумным переплетениям шоссе и проездам. Исчезали и снова возникали. Тут же у витрины пристроились лотки с книгами, пирожками, мороженым и игрушками.

А над ними парили цветные воздушные шары...

«Детский мир». Витрина.

Был полдень. Из подъезда института вышли Арон Израилевич и Артем и медленно пошли по улице.

Арон Израилевич николько не изменился. Он только как-то уменьшился в размерах и больше стало морщин.

— ...Если еще учесть последние измерения... на горе, мы их анализировали с Пономаревым.— Артем замолчал и посмотрел на Арона Израилевича.

Тот шел молча и словно не слышал его. Потом он повернулся и вопросительно посмотрел на Артема.

— Мы уже проанализировали с Пономаревым,— продолжил Артем.

Арон Израилевич утвердительно кивнул.

— Вы знакомились с последними вычислениями Пономарева? — спросил Артем.

— Да.— Арон Израилевич задумчиво покачал головой.— Я рецензировал эту работу.

— Да?

— И все же,— сказал Арон Израилевич,— я должен детально вникнуть в программу ваших исследований... чтобы быть вам чем-то полезным. Все-таки нам надо убедить целый комитет в необходимости построить ускоритель. Причем не протонный, а электронный.

Арон Израилевич замолчал, внимательно посмотрел на Артема.

— Вы понимаете, Артюша, рассчитывать на участие Пономарева в работе больше не приходится...

Он взял под руку Артема, и они пошли по улице...

Они пришли к углу институтской улицы и остановились.

— Чудовищно! — сказал Арон Израиле-

вич.— Человек прожил всего половину жизни... М-да... ну а как у вас? — Он посмотрел на Артема.

Артем сделал неопределенный жест рукой.

— Ну ладно.— Арон Израилевич дал ему руку.

— Мне сюда... до завтра..

— Да,— ответил Артем.

Он пожал руку Артему и ушел.

Артем привычным движением провел ладонью по лицу и вдруг удивленно посмотрел на девушку, которая стояла перед ним и с любопытством разглядывала его. Это была Таня.

— Это вы? — спросила она.

Артем удивленно посмотрел по сторонам, пожал плечами и ответил невпопад:

— Не знаю...

Девушка смущилась и отошла.

Он постоял еще, потом с удивлением увидел в руке смятую сигарету, бросил ее и машинально, привычным движением провел ладонью по лицу.

А девушка стояла чуть поодаль и наблюдала за ним.

Артем повернулся и медленно пошел по улице...

Двигался нескончаемый поток людей. На мгновение в толпе появился идущий Артем, и его снова заслонили спешащие люди...

Потом где-то в другом конце людского потока появилась Таня. Она проталкивалась среди людей и снова исчезала...

Артем выбрался из толпы и пошел к телефонной будке.

Потом из толпы вышла Таня. Она оглянулась по сторонам и направилась к телефонной будке.

Артем бесцельно повертел в руке телефонную трубку, повесил ее и вышел из будки.

Таня смотрела ему вслед...

Он переходил проспект...

Таня рванулась вперед, проскочила перед самым радиатором идущей машины, догнала Артема и встала рядом.

Поток машин обтекал их с двух сторон.

В прямоугольнике окна виден город. Сюда не доносится городской шум. С высоты птичьего полета видна площадь, улицы, заполненные движущимися маленькими человечками. Сновали игрушечные машины. Вдали, замыкая все это, высилась громада «Детского мира».

Над ним сверкнула и погасла громадная надпись: «Детский мир»...

«Детский мир» — молнией сверкнула еще раз надпись в вечернем небе и снова погасла.

«Детский мир» — надпись сверкнула и засияла над площадью, улицами, маленькими человечками, снующими игрушечными машинами.

«Детский мир»...

— Вы все еще ждете? — в это время спросил голос Тани.

— Девушка, вы спутали меня с кем-то другим, — ответил голос Артема.

— Нет, — ответил голос Тани.

— Как вас зовут?

— Таня.

Артем оглянулся в глубь комнаты. Он сидел у окна, возле телефона.

В глубине комнаты, в дверях, стояла Таня. Артем смотрел на нее, пытался что-то припомнить.

— Я пойду, — вздохнула девушка.

— Ну вот, видите, — усмехнулся Артем. — Я же говорил, что вы ошиблись.

Девушка покачала головой.

— Нет, — и она повернулась к двери.

— Тогда почему вы уходите? — Артем внимательно посмотрел на нее.

— А что делать? — недоуменно оглянулась девушка.

— Сидите. — Артем пожал плечами и посмотрел на телефон.

Телефон молчал.

В вечернем небе ярко горела надпись: «Детский мир».

На площади загорались вечерние огни.

Телефон молчал.

Артем оглянулся.

Девушка сидела на диване, сложив руки на коленях, и смотрела на него.

— Ну вот, — криво усмехнулся Артем. — Видите, как весело?

— Не очень, — улыбнулась девушка.

— И вы все же сидите.

— Если вы хотите, я уйду, — резко сказала девушка.

— Нет. — Артем внимательно посмотрел на девушку.

— Тогда не задавайте... — Она замялась, подыскивая выражение помягче и виновато присосала губу.

— Глупых вопросов? — подсказал ей Артем.

— Да.—Она с вызовом посмотрела на него. У этой девушки была какая-то логика. Свои понятия о глупом и умном.

— И потом...—тихо закончила она, глядя в сторону.—Может же прийти человек к человеку и просто помолчать?

И она снова посмотрела на Артема.

— Наверно, да,—пробормотал Артем.

— Что? — не расслышала девушка.

— Нет, ничего. Вы не уходите. Ладно?

— Я не уйду.—Она невольно улыбнулась.

И в это мгновенье неожиданно зазвонил телефон. Они оба вздрогнули.

— Я слушаю...

— Ах, ты слушаешь! Очень мило! — Это был голос Пономаря.

— Пономарь, ты?!

— И он еще сомневается! — возмутился Пономарь.—Слушай, я удрал от клинических церберов. Понял? Так что спешите видеть. Жду.

— Слушай, это ты?

— О черт! Мне нельзя волноваться, понимаешь? А ты...

— Да, да! Я иду...

И все.

Артем опустил трубку. Постоял. Потом сорвался с места, начал поспешно собираться и сказал Тане:

— Пошли...

Лифт медленно тащился вверх. Уползали вниз этажи.

Таня внимательно наблюдала за Артемом.

Он достал сигарету, закурил и, спохватившись, сказал:

— Простите... в лифте не курят.—Он разогнал дым рукой.

— Курите. Здесь никого нет,—сказала она. И он задумался, провел ладонью по лицу.

Лифт остановился. Они вышли.

Артем подошел к двери. Двери открылись. На пороге стоял Пономарь. Худой, всклокоченный Пономарь.

— Черт! — пробормотал Пономарь.

Они обнялись. Потом Пономарь отстранил его, заглянул ему в лицо и спросил:

— Ну?

— Что ну? А ты вроде...—на мгновение поверх его плеча, Артем увидел Олю. Ее напряженную улыбку.—И вообще твой Арон нуждается в вычислительной машине... вникает во что-то...

— Вникает в детали? Понятно.—Пономарь засмеялся.

— Да ну его,—отмахнулся Артем.

Оля подошла к ним. Она признательно улыбнулась Артему и сказала:

— Послушайте, рыцари! Может быть, выпустите девушку в дом?

Мужчины разом обернулись.

Таня стояла на пороге и с любопытством их разглядывала.

Потом они прошли через переднюю, вдруг Пономарь остановился и нетерпеливо спросил:

— А что Арон?

Артем не успел ответить. Вместо него сказала Оля:

— Знаете что, мужчины? Вы пойдите сплетничайте, а мы с Таней...

— Нет, ты подумай! Чтоб мужчины... — возмутился Пономарь.

— Господи,— вздохнула Оля.— Если бы в мире были одни женщины!

— Тогда бы мир потрясали грандиозные скандалы.— Пономарь ласково улыбнулся ей, потом сказал Артему: — Пойдем, старики...

Они вошли к нему в комнату, сели. Помолчали. Он кивнул на висящую на стене картину:

— Твой художник. Здорово, правда? Такое сумасшедшее небо! — Он задумчиво покачал головой.— Представляешь? Поверить в такое небо!

Артем посмотрел на картину.

— Так что Арон? — тихо спросил Пономарь. Он сидел, опустив голову, и что-то чертил карандашом.

— Ну... что там у тебя? — спросил Артем.

— Да все то же,— вздохнул Пономарь. — А, ладно! Может, и обойдется? — Он посмотрел на Артема. Потом, как бы продолжая свою мысль, сказал: — Слушай, а я все-таки успел побывать на ускорителе. Сказка! — Он мечтательно прикрыл глаза.

— Ты даже не представляешь, что это такое!

— Я уже там был.

— Да? — Пономарь оживился.— Ну и как?

— Здорово.

— То есть потрясающе.

— Да,— Артем промолчал.— А знаешь, кажется, у нас с ускорителем налаживается.

— Нет, правда?

Артем кивнул.

— Наконец-то! Я ведь тебе тысячу лет твержу об этом.

— Ну тогда, пожалуй, было рановато,— усомнился Артем.

— Ерунда! — решительно перебил его Пономарь. Никогда не рано! Надо делать пока можешь, понял?! Надо делать...

Таня и Оля были на кухне, и когда мужчины подняли страшный крик, Таня с удивлением посмотрела на дверь. Оля заметила ее взгляд и, грустно улыбнувшись, сказала:

— Пусть. Артюша молодчина. Пусть лучше так, чем сочувственные взгляды, охи, ахи...

Таня непонимающе посмотрела на нее.

— Танюша, давайте накроем стол...

Пономарь сидел совершенно выдохшийся.

— Ну чего ты орешь? — спрашивал его Артем.— Чего орешь?

— Это... — Он махнул рукой и улыбнулся.— Это мне можно. Мне все можно... но ты признайся, что ты дуб. Ну, признайся хоть раз в жизни!

— Ну, дуб,— согласился Артем.

— Ага! — обрадовался он.

— Так ты думаешь, что Арон мне сможет помочь? — спросил Артем.

— Сможет, Артюшка.— Он грустно улыбнулся.— Сможет, ведь это он меня вытянул. Чудак!

— Ни черта он не может, твой Арон, понял? Ни черта!

— Не-ет. Ты не прав, старики.— Пономарь с той же улыбкой покачал головой.

— Артем и сам знал, что не прав, и Арон Израилевич сильнейший теоретик, и это очень здорово, что он согласился работать с ним, но в эту минуту он зло повторил:

— Прав!

Пономарь ничего не ответил. Он только грустно посмотрел на Артема. Потом сказал:

— А ты знаешь, самый раз выпить, а? Чего-то Оля завозилась?

— Сейчас мы посмотрим.— Артем встал и направился к двери.

— Артюшка,— тихо позвал Пономарь.

Артем оглянулся.

— Мне больше всего Олю жаль...

Артем вышел в гостиную. Стол был голый, даже без скатерти. Он прошел на кухню, открыл дверь и увидел Олю и Таню. Они сидели на маленьких табуретках, очень близко и о чем-то вполголоса говорили.

Когда он вошел, они замолчали и встревоженно посмотрели на него. И почему-то Таня тревожно спросила:

— Что?

И он спросил:

— Мы будем пить или не будем пить?..

В глубине гостиной магнитофон крутил мелодию за мелодией.

Артем наполнил бокал и посмотрел на сидящую рядом Таню...

— Ты здесь? — спросил он.

Таня улыбнулась и кивнула.

— Ты никуда не уходи,— сказал Артем.

— Я никуда не уйду,— ответила Таня.

Пономарь вертел в руке недопитый бокал коньяка и говорил:

— Телятами мы тогда были, Артюшка... все так, на ощупь.— Он перехватил взгляд Оли и сказал:

— Олюш, ты не кисни... это так, для красоты. А в общем-то рюмочку можно, а, Оль? Можжно.— И выпил до конца.

— Ну что ж.— Он отложил бокал и сказал Тане.— Танюша... мы с вами здесь вроде самые живые.— Он с усмешкой показал на Олю, Артема.— Давай попляшем.

— Давайте,— засмеялась Таня.

Пономарь скинул пиджак, поднялся. Таня посмотрела на Артема и подошла к Пономарю.

— Прошу.— Он галантно подставил ей руку и повел на середину гостиной.

Оля возилась у стола.

Артем потянул ее за руку и усадил рядом:

— Посиди, старушка.

Она взглянула на него, улыбнулась.

— Надолго в Москву?

— На месяц-полтора...— ответил Артем.— А может, и дольше.

Оля молча посмотрела на Артема и утвердительно кивнула.

Он успокаивающе погладил ее руку.

— Он очень ждал тебя,— грустно улыбнулась Оля.

Пономарь и Таня медленно танцевали в глубине комнаты.

— Танюша, чего мы плетемся? — запротестовал Пономарь. — Давай что-нибудь повеселей...

Они пошли к магнитофону и возились с ним, перекручивая ленту.

Таня повернулась и посмотрела на Артема...

Артем допил кофейку.

— А может, и обойдется... — сказал он.

— Что? — спросила Оля.

— Да так...

Зашипел магнитофон. Потом послышались частые глухие удары, похожие на биение сердца, потом закричала труба, без мелодии, просто в ритм глухим звукам контрабаса. Сначала они танцевали, как обычно. Пономарь бережно поддерживал Таню за талию, потом при очередном па Таня выскоцила из его объятий. Пономарь сделал еще несколько движений танца, потом, улыбаясь, устало махнул рукой и, не сводя с нее изумленных глаз, отошел к софе и сел между Артемом, Олей и шутливо сказал:

— Не-ет... Это для меня слишком.

— А Таня... Нет, это был не танец! Она как будто забыла обо всем, о комнате, о людях. Так, наверно, танцевали наши предки. Танцевали не для того, чтобы понравиться или чтобы приятно провести время. Просто в них была жизнь и надо было как-то ее выразить, рассказать!

Все трое молча следили за Таней. Потом Пономарь притянул к себе Артема и взволнованно прошептал:

— Слушай! Какое чувство свободы! — Пономарь притянул и Олю. — Старик, я все понимаю; Люся, и все... только не тащи на себе прошлое, правда, Оля?

Оля, не поднимая головы, неопределенно кивнула.

А Пономарь горячо продолжал:

— Ребята, не тащите прошлое! Это тяжелый груз!

Таня прервала танец и посмотрела на них.

— Ну что вы? — смущенно с упреком спросила она...

Потом была поздняя ночь. Расплывчатые огни фонарей. Артем и Таня стояли на улице. Он пытался прикурить, но зажигалка не загоралась.

— Дай я, — сказала Таня.

Он отдал ей зажигалку и внимательно следил за тем, как она неумело вертела зажигалку, потом надавила рычажок. И вдруг зажигалка загорелась.

Таня засмеялась:

— Как в карты. Новичкам всегда везет...

Он прикурил, продолжая разглядывать ее лицо, потом спросил:

— А, собственно, откуда ты взялась? Кто ты?

Она пристально посмотрела на него, пожала плечами:

— Ты меня не помнишь.

— Прости, я пьян. Какое это имеет значение — кто... откуда? Главное, ты пришла. Значит, так надо.

Она молча смотрела на него.

— Разве не так?

— Скажи, Люся тогда вернулась? — спросила она.

— Кто?

— Люся. Ну ты помнишь... старый «Детский мир»... войну. Я тогда была маленькой...

Они попали в поток людей, выходящих из метро. Их разъединили.

— ...я пришла и сказала, чтоб ты ждал... Люси. Ты должен был ее ждать. Ты ведь помнишь!

Он потерял ее. И растерянно стоял среди идущих людей. Говор, смех. Какие-то лица. Смеющиеся, озабоченные... Потом она пробилась к нему. Они выбрались из толпы и свернули в какой-то переулок. Молча пошли по нему.

— А ты выросла,— заговорил он, не глядя на нее.— Совсем взрослый человек... У тебя тогда были косички — видишь, помню,— такие... смешные. Были ведь косички?

Он посмотрел на нее. Таня утвердительно кивнула.

— Конечно, были.— Он продолжал смотреть на нее и вдруг усмехнулся и спросил.— Слушай... что же ты тогда меня обманула?

Таня растерянно посмотрела на него, промолчала. Они прошли дальше.

— Мне вдруг показалось, что ты все забыл,— виновато сказала она.

— Хорошо бы... забыть!

— А ты хотел бы?

— Что?

— Забыть.

— Еще как! Слушай... не будем об этом. Ты еще девочка, тебе этого не понять. Давай споем?

— Что?

— Не знаю. Что-нибудь. Ну... «Бывали дни веселые...»

— Я ее не знаю.

— Я тоже. Только первые две фразы.— Тихо, без хулиганства, он запел.— «Бывали дни веселые...»

— «Гулял я молодец»— подхватила Таня.

— А дальше?

— Дальше не знаю.

— Что же ты, девочка с косичками! Давай сначала...

— «Бывали дни веселые».

«Гулял я молодец»—тихо поют они.

— Вот видишь. А ты говоришь, забыла,— сказал Артем.

Таня как-то криво усмехнулась, утвердительно кивнула и вдруг... разревелась. Бесстыдно, подетски всхлипывая, на всю улицу.

— Таня! Ты что? — вконец растерялся Артем.— Ну... девочка!

А она ревела. Стояла в полумраке переулка и ревела...

Голос автора. Комиссия по организации похорон молодого ученого Пономарева Олега Михайловича долго искала в архивах покойного фотографию...

Артем шел по тропинке, пробираясь между скал. Впереди показалось современное здание и башня ускорителя...

Потом он шел по металлическому балкону, а внизу сутились люди в темных халатах.

Голос автора (продолжает). Искала и не могла найти. На всех фотографиях Пономарь был радостным и изумленным юношей. И тогда члены комиссии решили: пусть улыбается.

Артем вошел в кабинет. Неторопливо надевая халат. Застегивал рукава. Оглядывал комнату. Часы. Стол. И портрет Пономаря. Радостное, изумленное лицо.

Голос автора. Ты помнишь? Старик, не тащи на себе прошлое.

Голос Артема. У меня есть память, Пономарь. Я ничего не могу забыть. В человеке живут целые столетия. Слабость Галилея... непримиримость Джордано Бруно. Мы сегодня ненавидим слово «инквизитор» так же, как ненавидел его сам Джордано Бруно. Разве это не так, Пономарь?

Ирина Павловна стояла перед ним и что-то говорила.

— Что? — спросил он.

— Ты такой торжественно-кислый! — засмеялась Ирина Павловна.

— А-а... бывает.

— Там все готово к пуску.

— Пошли.

Они вышли. Пошли по коридору. Услышали, как в кабинете зазвонил телефон. Переглянулись.

— Ты иди, — сказала Ирина Павловна. Она побежала в кабинет...

Он вошел в зал центрального пульта управления. Бесшумно возились сотрудники в халатах. К нему подошел Щовак. Радостный, возбужденный.

— Артем Сергеевич, по-моему, все в порядке. К нему подходили и другие сотрудники.

— Тебя к телефону, — тихо сказали ему. Это была Ирина Павловна.

— Кто?

Она неопределенно пожала плечами:

— Москва.

— Продолжайте пробу, — сказал он и вышел из зала...

Он вошел в кабинет и взял трубку.

— Я слушаю...

Это была Таня. Она сказала:

— Здравствуй, это я! — И замолчала.

— Таня? Здравствуй, Таня, — ответил Артем. И тоже замолчал.

И Таня молчала. Потом деловитый голос телефонистки вмешался в их молчание:

— Алло... алло, вы говорите?

— Конечно, говорим! — закричал Артем.

— Говорим, говорим! — подтвердила Таня.

— Таня... Таня, говори, я тебя слушаю! — закричал в трубку Артем. Закричал, потому что над дверью кабинета вспыхнула и замигала индикаторная лампочка. Возник вой сирены. Он ширился, нарастал, заполнял кабинет. Начались пробы защитных систем ускорителя.

Таня что-то говорила в трубку телефона. Что-то очень важное для нее...

Артем слушал, задумчиво улыбался, потом привычным движением провел ладонью по лицу. Так он делал всегда, когда думал о чем-то важном.

Голос автора. Слушай, это правда, что на Земле можно создать искусственное Солнце?

Голос Артема. Наверно, можно... в будущем. Не хватит ли науки?

Голос автора. Пожалуй, да. А впрочем, знаешь, объясни мне: почему все же взрывается водородная бомба?

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Фильм по сценарию А. Агабабова «Здравствуй, это я» поставлен на киностудии «Арменфильм» в 1965 году.

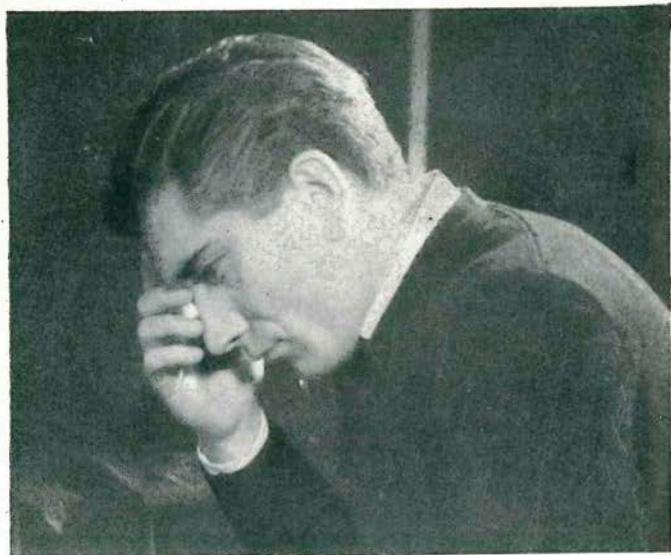
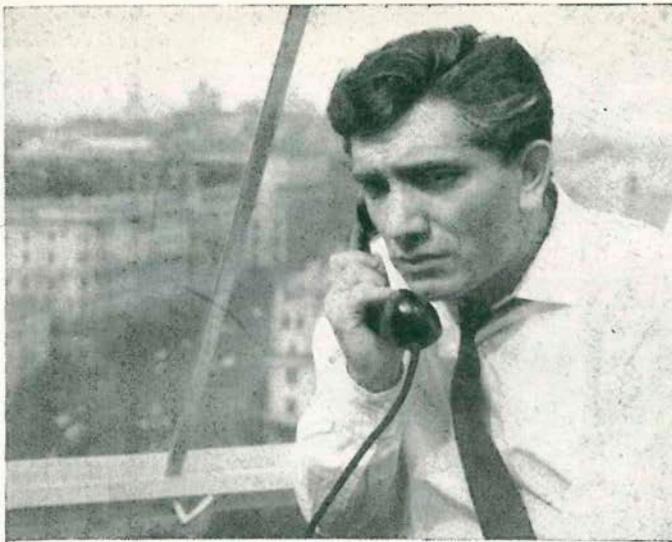
Режиссер-постановщик Ф. Довлатян. Оператор — А. Явурян. Художники — Р. Бабаян, Г. Карапетян. Композитор — М. Вартазарян.

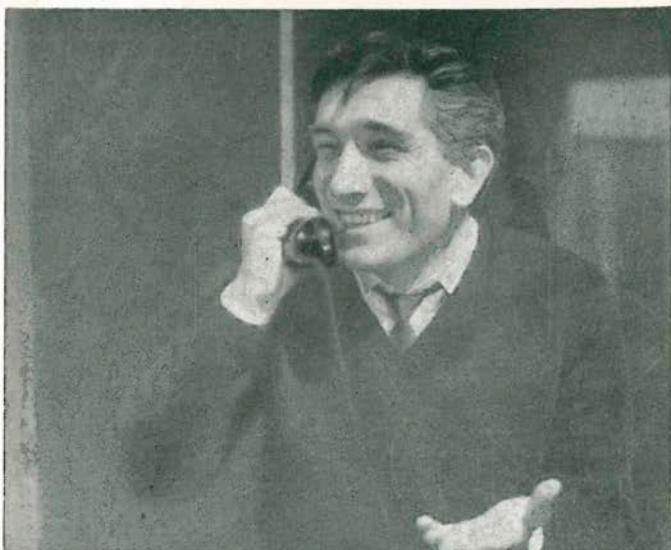
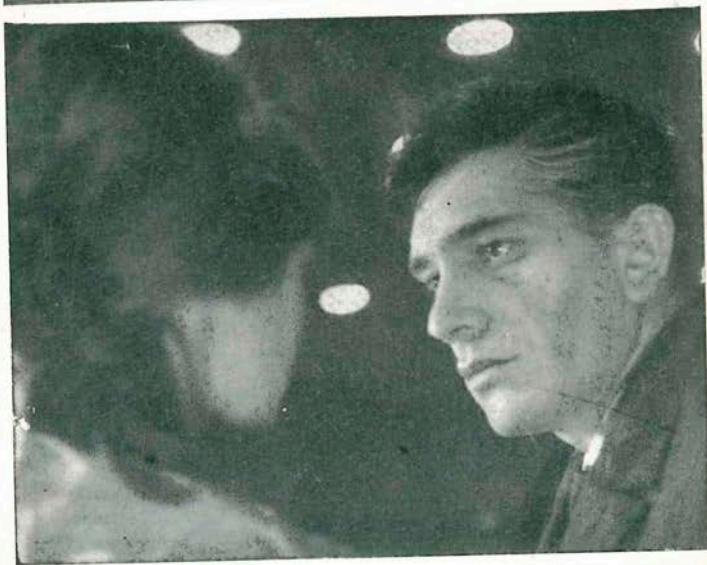
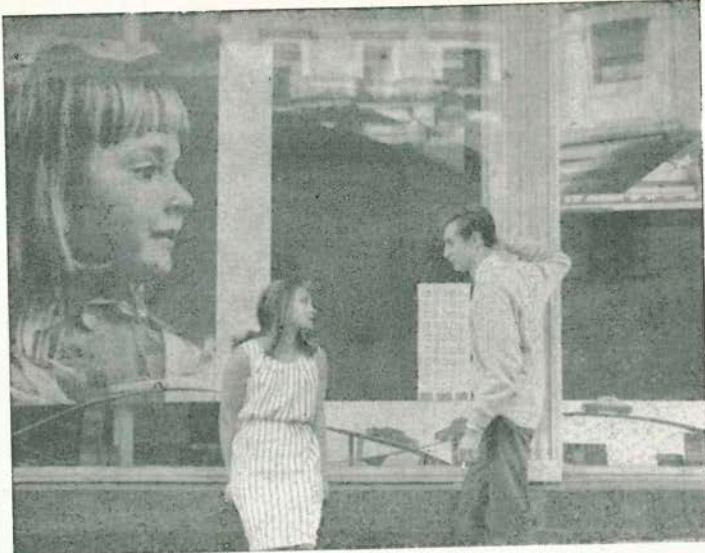
Главные роли исполняют:

Артем — А. Джигарханян, Пономарь — Р. Быков, Люся — Н. Фатеева, Таня — М. Терехова, Ирина Павловна — Л. Бабичкова, Курдка — Г. Новенц.

Арнольд Агабабов
«ЗДРАВСТВУЙ, ЭТО Я!»

М., «Искусство», 1965,
96 стр. Р 2

Редактор В. В. Тулякова
Оформление художника
Д. Д. Петрова

Художественный редактор

Г. К. Александров

Технический редактор

Н. В. Муновозова

Корректор

Г. Г. Харитонова

Сдано в набор 11/VI 1965 г.
Подп. в печ. 27/VII 1965 г.
Форм. бум. 70×90¹/32. Печ. л.
3,25 (условных 3,8). Уч.-изд. л.
3,65. Тираж 8 000 экз. изд.
№ 15519. Зак. тип. № 281
А 11650. Цена 22 коп.
Цветной бульвар, 25. Москва, И-51.
Тульская типография Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров
СССР по печати, проспект
им. В. И. Ленина, д. 109.

